

Наталья Солнцева
Полуденный демон
Серия «Глория и другие», книга 4

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4604427
Полуденный демон: [роман] /Наталья Солнцева: Астрель; Москва; 2012
ISBN 978-5-271-43162-3

Аннотация

Богатый загородный дом, который до свадьбы казался Марианне едва ли не сказочным дворцом, на деле оказался схожим с замком синей бороды. Муж молодой женщины погиб. Она богатая наследница, после двух лет тягостного брака ее ждет свобода. Но Марианна медлит что-то менять, она чувствует, что настоящий кошмар только начинается. Ее подозревают в убийстве мужа. И полуденный демон, которого так боялся ее законный супруг, где-то рядом. Но кто он? Сверхъестественное существо или реальный человек, жаждущий мести? Пытаясь спасти свою жизнь и рассудок, Марианна обнаруживает следы, ведущие к разгадке тайны. Они связаны с древней легендой о Лилит, коварной искустельнице, сводящей с ума своей роковой красотой.

Посмотрите видеоролик о книге [«Полуденный демон»](#)

Содержание

ГЛАВА 1	4
ГЛАВА 2	9
ГЛАВА 3	13
ГЛАВА 4	20
ГЛАВА 5	25
ГЛАВА 6	30
ГЛАВА 7	35
ГЛАВА 8	41
ГЛАВА 9	46
ГЛАВА 10	50
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Наталья Солнцева

Полуденный демон

Дорогой читатель!

Книга рождается в тот момент, когда Вы ее открываете. Это и есть акт творения, моего и Вашего.

Жизнь – это тайнопись, которую так интересно разгадывать. Любое событие в ней предопределено. Каждое обстоятельство имеет скрытую причину.

Быть может, на этих страницах Вы узнаете себя. И переживете приключение, после которого Вы не останетесь прежним...

С любовью, ваша Наталья Солнцева

Все события и персонажи вымышлены автором. Все совпадения случайны и непреднамеренны.

«И жил Адам, ожидая и воздевая только Лилит, и умер Адам, стена и мечтая лишь о Лилит».

(Аветик Исаакян)

ГЛАВА 1

Что-то тревожное, тоскливое чудилось ей в узоре солнечных пятен на зеленой траве, в легком ветре и быстром беге облаков по небу. Сад трепетал в полуденной дреме, нарушаемой лишь шумом листвы да стуком ее сердца.

Ах, как упивалась она этой жизнью без оглядки, без необходимости сдерживать свои порывы и пороки! Да, да... она предавалась порокам со всей страстью и пылкостью неиссякаемого огня, который горел в ней. Как будто чувствовала приближение конца. Как будто исподволь, сквозь пелену любовной истомы, стучалась в ее сердце смерть.

Она вдохнула всей грудью, ощущая в запахе лета и яблоневых деревьев сладковатый привкус крови. Этот привкус преследовал ее с тех пор, как...

Впрочем, лучше не думать, не вспоминать, не углубляться. Ее удел – порхать над цветами, собирать душистую пыльцу и сладкий нектар. Наслаждаться без раскаяния. Пить амброзию любовного иступления и быть его источником. Не ее вина, что для людей это яд, отравы. Не ее вина, что человек слаб и немощен, что не по силам ему ни божественное, ни дьявольское.

Жалела ли она о том, что сделала? Нет, не жалела.

Должно быть, смерть подала ей знак... растревожила ее. И она совершила ошибку. Когда идешь по краю, всегда так. Легко оступиться, шагая по узкому мостику без перил. И весело, и страшно, и дух захватывает.

Когда слышишь за спиной дыхание смерти и шорох ее крыльев, видишь ее неумолимую тень, нельзя не позаботиться о продолжении земных радостей. Нельзя не застолбить для себя местечко под солнцем.

Пусть ее стихия – ночь, а светило – Луна. Пусть солнце несет ей гибель. Но ведь не сразу, не сейчас же... потом. Пока пробьет ее час, она успеет собрать много нектара и опьянеть от любовной истомы. То, что для других – деготь, для нее – мед. То, что для других – грех, для нее – отрада. То, что для других – ад, для нее – рай...

Она вдруг оцепенела и задохнулась от ужаса. Хотела бежать, но ноги приросли к земле. Вот она, смерть... во всей своей красе и жути. Белая, неотвратимая, как фатум. Светлее света, ярче молнии. Глаза у нее – звезды, а волосы – вороново крыло. В руках у нее – коса со сверкающим лезвием. А на лезвии играет солнечный зайчик... сияет, слепит, бьет без промаха...

Вжик... – просвистела в горячем воздухе коса смерти. – Вжик...

– Ты готова?

Голос у нее ласковый, вкрадчивый, словно патока. Лицо блее савана, губы бледные.

– Я пришла за тобой, – молвит.

– Нет... нет! Еще рано...

– С огнем не шутят. Заигралась ты... забыла о договоре. Память коротка стала? Зато сон будет долог...

– Погоди... я все объясню...

Что-то в лице смерти дрогнуло, исказилось, черты потеряли четкость и поплыли.

– Не надо, – покачала головой смерть. – Я и так знаю...

Тут жертва наконец прозрела, начала соображать, кто перед ней. И что пощады не будет. Бесполезно умолять, просить отсрочки. Вот она, расплата.

– Ты-ы? Не может быть...

Она оглянулась с безумной жадью чуда. Сад был пуст. Дом далеко – не добежать, не укрыться от надвигающейся тени. Надежда на спасение вспыхнула, словно искра, и погасла. Горло свело – ни вздохнуть, ни крикнуть. Ноги подкосились.

Вжик! Что-то острое, горячее перехватило шею, фонтаном брызнуло красное... В глазах потемнело, померкло. Красное хлестало сквозь пальцы, которые тщетно пытались закрыть рану, остановить неостановимое...

* * *

Семь лет спустя.

Подмосковный поселок Роща

Марианна Ветлугина обедала в просторной столовой. Она сидела напротив окна, выходящего в сад. Это было ее любимое место. Из окна виднелся маленький круглый водоем – искусственный пруд, в котором отражалась низкорослая плакучая ива. Вода в пруду, похожая на черное зеркало, оставалась таковой даже в солнечный день. Этому способствовало специальное дно.

Ландшафтным дизайном маленького ухоженного поместья занимался муж Марианны. Ему же принадлежала идея внутреннего убранства дома. По сути, Марианна вошла в уже готовое жилище, где каждая деталь соответствовала вкусам хозяина.

Муж был старше ее на двадцать лет. Он не дожил до своего пятидесятилетия полтора месяца. Марианна до сих пор не могла прийти в себя после его внезапной смерти. Ей казалось, что кошмар, в который превратилась после замужества ее жизнь, никогда не закончится. Но гибель Ветлугина положила конец ее страданиям. Тогда как впереди ее ожидал новый кошмар.

Марианна со вздохом отложила ложку. Бульон казался безвкусным, салат пресным, а чай жидким. У нее портится характер?

Кухарка бесшумно двигалась, собирая с огромного пустого стола приборы. Хозяин требовал тишины и послушания. От всех, включая жену. В доме еще витал его грозный дух, наводя ужас на обитателей.

– Так вы себя голодом уморите, – сказала она Марианне, которая за последние дни похудела килограммов на пять.

В общем-то немного, если бы молодая женщина и без того не отличалась худобой. Муж еще до свадьбы попросил ее сбросить вес, иначе никакого брака не будет. Он открыл перед ошарашенной невестой шкаф, полный дорогих нарядов, и предложил ей примерить любое платье на выбор.

Марианне приглянулось серое с серебристыми воланами по подолу. Она тщетно пыталась застегнуть на боку коварную молнию, но та не поддавалась.

«Тебе придется сесть на диету, – приказным тоном заявил жених. – Я уже приобрел гардероб для своей супруги. А я никогда не делаю бесполезных трат. Привыкай, милая!»

У Марианны разбежались глаза от обилия красивых и стильных вещей. Она уговаривала себя, что ей самой хочется все это носить. Раз уж Ветлугин загодя приобрел для нее столько нарядов, негоже огорчать его и вводить в лишние расходы. Она просто обязана похудеть.

«Да... конечно... – пролепетала она, залившись краской и поспешно стягивая тесное платье. – Я похудею...»

Жизнь Марианну не баловала. Нельзя сказать, чтобы она во многом себе отказывала, вынужденная экономить каждый рубль, но одевалась скорее практично, чем модно. Они с матерью откладывали деньги на необходимые покупки. Плащ или туфли приобретались по меньшей мере на два сезона. А тут столько всего... и сразу!

Марианна послушно начала худеть. Она перешла на овощи и обезжиренный кефир. Хлеб, макароны и печенье стали для нее строжайшим табу. Муки голода она оправдывала перед матерью «выгодной партией». Ветлугин оказался обеспеченным человеком с привлекательной внешностью и, что самое невероятное – до сих пор ни разу не женатым.

«Видать, переборчив больно жених-то, – заметила мать. – Оттого и кукует один».

«Просто он ищет женщину под стать себе, – защищала своего избранника Марианна. – Такую же умную и рассудительную. Сама знаешь, какие сейчас девахи. Тупые, распущенные, зато своего не упустят. Им палец в рот не клади».

«Все равно странно, дочка. Может, у него изъян какой-нибудь скрытый имеется?»

«Выходит, раз я в свои двадцать семь не замужем, у меня тоже – изъян?» – обиделась за жениха Марианна.

«Гляди, Мариша... – вздохнула мать. – Тебе с ним жить...»

Отговаривать дочь от замужества Антонида Витальевна не решилась. У той, как ни крути, возраст на выданье уже миновал. Благословила скрепя сердце. Но будущего зятя невзлюбила с первой же встречи.

Впрочем, тот на общение не набивался. Посетил мать с дочерью только однажды, когда официально поставил Антониду Витальевну в известность о том, что они с Маришей женятся.

«Я тут накопила кое-каких денег, – засуетилась будущая теща. – На пышную свадьбу не хватит, но хоть что-то купите. Платье Марише или продукты. Если надо, я сама угощение сготовлю. Я же повар! Работаю в ресторане, вам перед гостями краснеть не придется...»

«Деньги оставьте себе, – решительно отказался Ветлугин. – Все расходы я оплачу сам. А платье невесте я уже купил, самое шикарное, от...»

Он назвал модный бренд, о котором Антонида Витальевна слышала впервые. Им с дочкой такие вещи не по карману.

Разумеется, в свадебное платье с кружевами ручной работы Марианна влезла только после двух месяцев жестокой диеты. И то оно трещало по швам.

«Ничего, время еще есть, – снисходительно улыбнулся Ветлугин. – Надеюсь, ты меня не подведешь, Мэри».

«Все-таки странный у тебя жених, – не унималась Антонида Витальевна. – Хоть и щедрый, и вроде бы вежливый... а лично у меня от его взгляда – мурашки по коже! Опять же голодать тебя заставляет. Не по-людски это!»

«Он о моей фигуре заботится, – беспечно отмахивалась Марианна. – У меня сила воли отсутствует. Вот Трифон мне и помогает приобрести модельную внешность. Я должна быть ему благодарна».

Кого она обманывала? Маму или себя?

«Выходит, ты недостаточно хороша для него, – с горечью заметила Антонида Витальевна. – Пусть бы на себя посмотрел. Пятый десяток дотягивает, виски седые, тело жирком заплыло. Ты же его не посылаешь в тренажерный зал мускулы накачивать!»

«Он мужчина, ему можно...»

Ей бы прислушаться к словам матери, задуматься. Так ведь нет! Близкая свадьба глаза застила, чудесные подарки, статус замужней женщины... ну и двухэтажный коттедж в Роще сыграл не последнюю роль. Трифон возил ее туда, показывал, где она будет жить, когда станет его женой.

«Ты просто ревнуешь меня к Ветлугину, – заявила Марианна. – Поэтому он тебе и не нравится!»

В сущности, маму можно было понять. Она вырастила дочь одна, замуж не вышла, всю жизнь посвятила любимому чаду. И вдруг является чужой человек и забирает у нее самое дорогое. С кем она теперь останется? С котом Пончиком?

Марианна не отдавала себе отчета, во что ввязывается. Жизнь с чужим человеком не сахар. Тем более с таким, как Трифон.

– Поздно я сообразила, что мама была права... – вымолвила она.

– Материнское сердце – вещун! – поддакнула кухарка, бросая на хозяйку сердобольные взгляды.

Та спохватилась, что думает вслух, и сжала губы.

– Мама была права, когда отговаривала меня худеть, – сказала она. – На мне все висит, как на вешалке.

Жизнь с Ветлугиным лучше всяких диет избавила Марианну от лишнего веса. Впрочем, не только от лишнего...

Кухарка села напротив хозяйки за стол, накрытый вышитой скатертью, и подперла рукой щеку.

– Это нервы, – с сочувствием сказала она. – Они любого съедят. Покойный хозяин, – царствие ему небесное! – был человек характерный. Такого не всякий выдержит. Я, бывало, зубы сцелю и терплю, терплю. Куда еще идти-то? У нас в Роще работы нет. В Москву ездить тяжело, здоровье не позволяет. Вот и приходится стряпать и убирать. У меня, между прочим, высшее образование, а я у плиты стою, кастрюли да сковородки драю, полы мету.

Судя по ее пышным формам, скверный характер Ветлугина не каждому способствовал обрести стройность.

Из прислуги, кроме Клавдии, которая готовила еду и занималась уборкой в доме, хозяин нанимал приходящего садовника. Штат скромный, зато платил им Ветлугин, по местным меркам, неплохо.

Когда его не стало, перед Марианной возник вопрос, как быть дальше? Какими средствами она располагает? Финансовое положение супруга оставалось для нее тайной. Она ждала адвоката, который обещал ввести ее в курс дела. По телефону тот сообщил только, что других наследников у Ветлугина, по его сведениям, не имеется.

«Вам не о чем беспокоиться, – заключил адвокат. – Господин Ветлугин был состоятельным человеком. Завещания он не успел написать. По закону все имущество и деньги достанутся вдове».

Марианна прислушалась к себе. Что она чувствует? Радость? Мстительное удовлетворение? Ничего такого молодая женщина не испытывала.

Она вспомнила мужа, лежащего на траве с перерезанным горлом, и содрогнулась.

От ее крика, казалось, зазвенели березы и сосенки на пригорке. Вспорхнули с веток птицы, разлетелись пчелы и бабочки. Аромат лесных первоцветов навсегда смешался для нее с удушливым запахом крови...

ГЛАВА 2

Москва

Петр Ильич Колбин, глава компании «Зебрович и партнеры», решил устроить вечеринку. Создать повод повидаться с Глорией, вдовой погибшего предшественника.

Колбин не оставлял надежды жениться на Глории, которой после смерти мужа отошла половина акций компании. Они совсем недавно перешли на «ты». Колбин осмелился, наконец, сделать ей официальное предложение. Коего, впрочем, вдова не приняла. Но обещала подумать.

«Главное – она не отказала решительно, – успокаивал себя отвергнутый жених. – У меня есть возможность доказать ей свою преданность. Я сумею добиться ее расположения во что бы то ни стало. Ей скоро тридцатник стукнет. Красивая женщина при деньгах – слишком лакомый кусочек, чтобы отказаться от него без боя. Придется осаждать эту крепость, пока не сдастся».

– Ничего, измором возьму, – забывшись, буркнул себе под нос Колбин.

На него покосились, и он спохватился, поджал губы, сделал вид, что разливает шампанское.

Пока приглашенные угощались у фуршетного стола, Колбин исподтишка бросал ревнивые взгляды на богатую невесту. Та стояла рядом с ненавистным начальником охраны – Романом Лавровым, наглым самоуверенным типом.

И ведь не скажешь ничего – ни ему, ни ей. Прелестная вдовушка взяла Лаврова под свое крыло. У него предлог безупречный: он якобы обязан обеспечивать ее безопасность. А у Глории не спросишь, чем ей так приглянулся этот отпетый лентяй и грубиян.

Колбин не верил ни в бескорыстие начальника охраны, ни в целомудрие вдовы. Она и раньше, при живом муже, стреляла глазами и флиртowała направо и налево, а уж теперь-то...

Поймав себя на греховных мыслях, Петр Ильич устыдился, притушил негодование и устремил печальный взор на заказанные деликатесы. Вечеринка влетела в копеечку.

Он хотел пригласить Глорию на танец. Та отказалась, сославшись на недомогание. У нее-де слабость и головная боль. Оттого и опирается на крепкую руку начальника охраны, норовит прижаться к нему у всех на виду. Стыд... срам...

«Хорош, стервец! – разозлился Колбин. – Высок, строен, ладно сложен. Небось в постели чудеса творит. Не то что я. Рано облысел, мышцы дряблые, брюшко, сексуальная функция расстроена. Зато у меня тугой кошелек, а у Лаврова – пустые карманы, в которых ветер гуляет!»

Он все сильнее закипал, глядя на вдову, которая была неотразима: прямая, гибкая, с высокой грудью, в облегающем синем платье с голой спиной. Волосы гладко причесаны по последней моде, глаза прячет под длинными ресницами... и не зря. Колбин готов был поклясться, что Глория нарочно соблазняет начальника охраны.

Был конец мая. Все зазеленело, распустилось и расцвело. Носящиеся в воздухе лепестки напоминали о бренности всего земного. И красота, и любовь проходят... как проходит долгожданная весна.

Глория давно перестала оплакивать мужа. Она успокоилась и занялась темными делишками. Чего стоит ее переезд в глухую деревню с красноречивым названием Черный Лог и жизнь отшельницы, которую она делит со странным великаном-служкой. От взгляда этого верзилы у Колбина кровь стыла в жилах, а залысины покрывались испариной.

Он невольно вспомнил искореженный «мерс» погибшего президента компании и содрогнулся. Не хотел бы он умереть так нелепо, на взлете... без исповеди и покаяния, оставив процветающий бизнес и красавицу жену.

Ох, как нуждался покойный именно в исповеди и покаянии! Ведь денежки-то к нему неспроста текли рекой. Он якшался с нечистой силой. Вероятно, это его и сгубило. За все приходится платить... только цена разная.

Сдается, вдова успешно продолжает сомнительные начинания супруга. Откуда бы у нее появился нюх на выгодные контракты? Как ей в голову приходят рискованные, но прибыльные идеи? Небось нечистый на ушко нашептывает. Не зря говорят: «Муж и жена – одна сатана!»

Он с трудом дотерпел до конца торжества, чувствуя себя незаслуженно оскорбленным. Его старания ни к чему не привели. Глория напропалую любезничала с Лавровым, а Колбину только мило улыбалась. С горя он выпил лишнего и не смог сесть за руль.

Начальник охраны вынужден был оставить даму и позаботиться о своем новом боссе.

– Я вызвал водителя, Петр Ильич, – с ехидной ухмылкой, как показалось Колбину, сообщил он.

– Проводи меня к машине...

Лавров повиновался. Он вывел босса из ресторана на улицу и помог ему устроиться на заднем сиденье кремового «мерседеса».

Тот с наслаждением уселся, расстегнул пиджак и закрыл глаза.

– Едем? – обернулся к нему шофер.

– погоди... дай отдышаться. Перебрал коньяку...

Колбин не давал команды трогаться. Он ждал, не пожелает ли вдова воспользоваться его машиной. Или предпочтет общество начальника охраны.

Глория, разумеется, поехала с Лавровым. Колбин приоткрыл глаза и покосился в окно на служебный внедорожник. Начальник охраны как раз услужливо распахнул перед вдовой дверцу машины.

– Чертов лакей! – процедил Петр Ильич. – Фигляр!

Водитель по-своему понял невнятные звуки, раздавшиеся с заднего сиденья, и тронулся с места.

– За ними! – приказал босс, и тот послушно свернул за внедорожником.

Ему что? Он человек подневольный. Что велят, то и делает. Ему думать не положено.

Колбин мысленно осыпал соперника проклятиями и ругательствами. Желание уволить Лаврова жгло огнем. Петр Ильич от переизбытка злости ерзал, кряхтел и почесывался. Однако удовлетворить жажду мести было не просто. Глория, которая имела право голоса, ни за что не согласилась бы на подобную меру. Ведь Лавров, по ее мнению, чуть ли не жизнь ей спас¹. Теперь она ему обязана.

«И что она в нем нашла? – недоумевал Колбин, глядя в окно на проезжающие мимо автомобили. – Какие-то у них подозрительные шашни. Лавров тайком повадился в Черный Лог... под видом обеспечения безопасности. Проследить бы, чем они там занимаются. Черта с два! У Лаврова нюх на слежку... он мигом вычислит непрошенных соглядатаев и, пожалуй, учинит скандал. Нажалуетса Глории... и та станет презирать Колбина за низость...»

Шофер затылком ощущал флюиды начальника и начинал нервничать.

Между тем Колбин в очередной раз задумался об обрядах каббалы. Не рано ли он отказался от столь заманчивого способа добиваться поставленных целей? Покойный партнер был не лыком шит...

«А я, выходит, хуже? Глупее? – растравлял старую рану глава компании. – Первый неудачный опыт еще ни о чем не говорит. Подумаешь, не получилось. Надо пробовать... глядишь, и будет результат. Не боги горшки обжигают. Я слишком робок. Взять хоть Лаврова. Кто он такой? Обыкновенный сотрудник. А я отступаю перед ним. Я его почти боюсь...

¹ Подробнее читайте об этом в романе Н. Солнцевой «Копи царицы Савской».

Да, боюсь! Стыдно. Неприятно. Он того и гляди окрутит Глорию и оставит меня с носом. Господи, как я его ненавижу! Понимаю, что гневаться грешно... а помышлять о мести тем более. Убить его, что ли? Как иначе я смогу избавиться от этого опасного человека?»

Колбин ужаснулся своей мысли, однако та крепко засела в его голове...

* * *

Подмосковье. Деревня Черный Лог

– Пересолил, Санта, – со вздохом сказала Глория, отодвигая тарелку с недоеденной рыбой. – Влюбился небось?

Великан залился краской до корней волос и поспешно принялся убирать со стола.

– Угадала? – улыбнулась она. – Ну, прости. Я не хотела. Само собой вышло. Клянусь! Кто же сия счастливица?

– Что вы такое говорите, Глория Артуровна? – окончательно смутился слуга, гремя столовыми приборами. – Потешаетесь надо мной?

– Осторожнее, посуду побьешь...

Санта чуть не поставил тарелки мимо подноса, спохватился и неуклюже задел локтем кувшин с вишневым компотом.

– Ой!..

Кувшин чудом устоял, а великан с сердцем произнес:

– Стар я уже для любви-то. Немощен.

Глория не выдержала и залилась заразительным хохотом.

– Это ты немощен, Илья Муромец? Погляди на себя в зеркало! С тебя хоть сейчас пиши картину «Русский богатырь».

Санта в самом деле выглядел богатырем: огромный, кряжистый, крепкий, с кулаками, похожими на кувалды. Про таких говорят «косая сажень в плечах». По его виду трудно было определить возраст – то ли сорок, то ли пятьдесят, то ли больше. Сам белый, как лунь, стриженный в скобку, а лицо румяное, без морщин.

– Я душой немощен... а не телом, – возразил Санта. – Любовь – дело тонкое, деликатное. Возвышенное! А у меня душа загрубела, панцирем покрылась. Не гожусь я для любви.

– Она сама выбирает. Людей не спрашивает.

– Скажете тоже, «влюбился», – возмущенно пыхтел слуга. – Как можно? Любовь это же ведь... опиум для народа! Наркотик! Человек к ней привыкает, а потом – ломка. Тяжкие страдания. От любви больше слез льется, чем от горя.

– Ты, случайно, не партийным агитатором был?

– Я Санта-Клаусом работал... детишек веселил, и взрослых тоже. Вам это отлично известно, – обиженно пророкотал великан. – Мне нравилось подарки раздавать.

– А принимать?

Санта насупился и замолчал, смахивая крошки со стола.

– Любовь – это подарок... дар судьбы, – добавила Глория. – От нее отказываться нельзя.

– Я не отказываюсь...

– С тобой дело обстоит хуже, дружок. Ты боишься.

– Любви-то? – нахмурился слуга и признал нехотя: – Ваша правда, хозяйка. Боюсь я ее, как черт ладана. Закрутит она меня, измотает, выжмет и выбросит за ненадобностью. Агафон, бывало, так и говорил: «Бойся женщин, Санта! Первую женщину, которую еще до Евы сотворил Господь, звали Лилит. Она пьявкой присосалась к Адаму, насытилась, утолила свою жажду и бросила его. Лилит никому не покорялась, ни мужу своему, ни трем ангелам, которых послали за ней. Лилит – дочь ночи, она предается пороку и поклоняется демонам».

Хозяин говорил, Лилит может поселиться в любой женщине... и тогда, если она на кого глаз положит... тому не спастись...

– Ну, у тебя и память!

– Слова хозяина все у меня тут, – Санта почтительным жестом приложил руку к сердцу. – И тут, – рука его прикоснулась ко лбу. – Агафон – мудрый человек. Каждое его слово на вес золота...

Великан говорил о бывшем хозяине дома, как о живом, и Глория поймала себя на мысли, что не думает о карлике в прошедшем времени.

В раскрытое окно столовой влетал теплый ветерок, неся с собою запахи цветущего сада и щебет птиц. В вазе посреди стола увядали розы, поднесенные ей Колбиным в знак особого расположения.

Глория вздохнула. Глава компании все настойчивее ухаживал за ней. Уже и предложение сделал. Специально ради этого прикатил в Черный Лог с огромным букетом... а она едва сдержала смех во время его нескладных попыток объясниться.

О любви Петр Ильич благоразумно не упоминал. Говорил лишь о своей глубокой симпатии, о готовности оказать вдове поддержку...

Глория слушала вполуха, придумывая повод для вежливого отказа. Впрочем, совершенно лишать «жениха» надежды она не собиралась. Это стало бы для Колбина тяжелым ударом по самолюбию. После такого партнерские отношения с ним сильно усложнились бы. Вдова предпочитала не создавать себе дополнительных трудностей.

Она притворилась растроганной, уверила, что не желает никого обременять заботами о своей скромной персоне, и... обещала подумать.

«Брак по любви у тебя уже был, – читала она на лице Колбина. – И чем все окончилось? Брак по расчету ничем не хуже. Красивый самец не способен дать женщине счастье, которого она заслуживает. Неужели ты еще не убедилась в этом?»

Под «красивым самцом» он конечно же подразумевал не только покойного Анатолия, но и в первую очередь начальника охраны Лаврова. Красивые мужчины, по его мнению, годились для двух вещей: постели и стриптиза. А во всем остальном они далеки от совершенства.

Глория могла бы с ним согласиться. Впрочем, совершенство недостижимо. Это идол, которому поклоняются. А она не признает идолов.

– Философствуешь? – захихикал карлик.

Он любил наблюдать за ней из какого-нибудь укромного уголка, притаившись в дальнем кресле или устроившись на диванном подлокотнике. Бывший хозяин дома как будто и не покидал своего жилища. Просто не показывался никому, кроме Глории.

Она могла считать карлика по имени Агафон игрой собственного воображения, «глюками», как выражался Лавров, или призраком. Однако в чем было невозможно усомниться, так это в его присутствии.

Иногда он охотно «разговаривал» с Глорией, иногда упрямо отмалчивался. Но она постоянно ощущала, что Агафон где-то рядом.

– Ты засиделась. Тебе нужна встряска, – заявил карлик, болтая в воздухе короткими кривыми ножками. – Не переживай, скоро у тебя появится повод пошевелить извилинами. Я чувствую!

Он повернулся в сторону входной двери, показывая Глории свой безукоризненный профиль греческого бога, и смешно потянул носом. Будто улавливая запах гостя...

ГЛАВА 3

Карлик, как всегда, не ошибся.

Едва Глория спустилась в мастерскую и засела за изучение астрологических карт, на лестнице послышались шаги Санты.

– К вам приехали, – тоном английского дворецкого доложил он. – Куда прикажете проводить?

– В зал конечно же...

По традиции, заведенной бывшим хозяином, посетителей полагалось принимать в каминном зале, отделанном в красных тонах. Бархатная обивка мебели, шторы и напольные вазы соответствовали гамме. Даже люстра под потолком была из розового хрусталя.

Астрология не вдохновляла Глорию, и она охотно отложила скучные расчеты и чертежи. Звезды слишком далеки от насущных проблем. А их влияние на судьбы людей, по ее мнению, сильно преувеличено.

– Кто к нам пожаловал? – спросила она, поднимая голову.

– Респектабельный господин...

– Надеюсь, не Колбин?

– Пф-фф-фф! – неподражаемо фыркнул великан.

Это означало, что Колбина он респектабельным господином не считает, и вообще тому по всем статьям далеко до гостя.

Глория так и думала, но убедиться в правильности своих догадок не помешает.

– Я переоденусь, – бросила она Санте.

Тот важно кивнул и потопал исполнять свои обязанности.

Глория поднялась из цокольного этажа наверх, свернула в гардеробную и быстро облачилась в подобающий случаю наряд. Пригладила волосы, прошла кисточкой для пудры по лицу, наредила губы. Еще несколько штрихов завершили ее образ «колдуньи» или «магессы», как позиционировали ее клиенты.

Они сами назначили ей эту роль. Кем же еще могла быть *преемница Агафона*?²

Метаморфоза, происшедшая с Глорией после гибели мужа, одновременно ужасала ее и приводила в восторг. Она примеряла свою новую ипостась, словно дикий заморский платок. Она еще не привыкла к ней, но та уже начинала ей нравиться.

По дороге в зал Глория заглянула в большое, во весь рост, зеркало. Там отразилась красивая стройная брюнетка в струящемся бордовом шелке. Она придала лицу нейтральное выражение и решительно переступила порог...

В кресле сидел благообразный мужчина лет пятидесяти. Он был одет в темные брюки и джемпер оливкового цвета. Его модную щетину внизу щек и на подбородке слегка тронула седина. Увидев Глорию, он привстал и учтиво поздоровался.

– Морозов, – представился он. – Николай Степанович. Я, собственно... У меня к вам деликатное дело.

«Еще бы! С другими сюда не приезжают, – подумала Глория. – Здесь не полицейский участок. И не общественная приемная».

– Почему вы решили обратиться ко мне?

– Мне рекомендовал вас... некто Оленин, психоаналитик. Я брал у него несколько сеансов. В общем, вы оказали ему неоценимую услугу и... он посоветовал съездить к вам. Дал ваши координаты. Простите, что я без звонка. Но...

– Оленин не дал вам моего телефона?

² Подробнее читайте об этом в романе Н. Солнцевой «Копи царицы Савской».

– Совершенно верно.

– Потому что здесь плохая мобильная связь, – с улыбкой объяснила Глория. – Вернее, ее практически нет.

– Как же вы обходитесь без телефона? – удивился он. – Хотя я даже завидую вам. Вы можете себе это позволить, в отличие от меня. Сотовая связь посягает на нашу свободу. Я начал время от времени выключать свой мобильник. Особенно на отдыхе. Иначе не будет ни минуты покоя.

Морозов был довольно высок и поджар. Джемпер плотно облегал его торс без намека на жировые отложения. На его руке красовались часы стоимостью не меньше двадцати тысяч долларов. В нем чувствовалась купеческая порода. Наверняка он торгует природными ресурсами.

«Лесом, – почему-то подумала Глория. – Древесиной. Он богат. Но не очень счастлив. Обычное положение вещей...»

Мысли приходили к ней сами собой, из пустоты. Ей оставалось лишь произнести их вслух и подтвердить свою репутацию «ясновидящей». Но она промолчала. Ее пока ни о чем не спрашивают.

– Что же привело вас ко мне?

Морозов явно медлил с ответом, искоса поглядывая по сторонам. Обстановка каминного зала производила на посетителей разное впечатление. Похоже, этому мужчине здесь было не по себе.

– Не люблю красный цвет, – поежился он. – Действует на нервы.

– Напоминает кровь?

– Наверное, да...

Он никак не мог перейти к делу. Глория неожиданно пришла ему на помощь.

– Вы хотите спросить о дочери? – вырвалось у нее.

Она сама не понимала, почему в голову пришло именно это. Морозов перевел на нее изумленный взгляд и некоторое время просто смотрел, не в силах вымолвить ни слова. Рекомендации Оленина, по всей видимости, не избавили его от сомнений, стоит ли доверять сей молодой привлекательной барышне свою тайну.

Ее вопрос поверг его в шок. Он никому не говорил, даже не заикался о том, что его тревожит. Тем более об этом не мог знать Оленин. Николай Степанович весьма скептически отнесся к его совету, но все же решился съездить в Черный Лог. Один, без охраны, с надежным проверенным водителем, который умеет язык за зубами держать.

Нынче развелось столько шарлатанов «от магии», что легко впросак попасть. Облапошат, да еще и посмеются.

– Да... черт возьми! – признался Морозов. – Как вы...

– Как я догадалась? – усмехнулась Глория. – Это моя работа.

– Работа... – напряженно повторил он.

В его взгляде читалось недоумение: что заставляет молодую интересную даму жить в глуши и предаваться странным занятиям.

– У вас две дочери, – сказала Глория, чтобы положить конец его колебаниям.

Она вела себя с ним гораздо увереннее, чем с первыми посетителями. Страх ошибиться и опозориться куда-то отступил.

– Две? – вскинулся он. – С чего вы взяли? Одна! Впрочем, вы правы. Не так давно у меня появилась вторая дочь...

Глория подумала о рождении ребенка, но не видела младенца, как ни старалась. Напротив, в ее воображении возник смутный образ молодой женщины, бледной и нервной.

– Это взрослая дочь, – утвердительно произнесла она.

– Да... то есть нет, – мотнул подбородком Морозов. – Я понятия о ней не имел все эти годы... Боюсь, со мной хотят провернуть обычный женский трюк! Навязать отцовство. Видите ли... я довольно состоятельный человек... а деньги, они притягивают к себе нечистоплотных людей...

– Что вы имеете в виду?

– Я не верю, что это *моя* дочь! Понимаете? Прошло столько лет...

– И все это время вы не общались с ее матерью?

– Мы давно расстались. Еще в студенчестве. Я даже не знал, что она забеременела, потом родила. Почему-то раньше ей не приходило в голову сообщить мне о ребенке. Может, потому, что у меня не было за душой ни гроша?

– Вы не были женаты на ней.

Глория высказывала свои предположения. Тогда как Морозов принимал каждую ее фразу за откровение. Он не страдал ни излишней доверчивостью, ни тем более наивностью. Однако эта дама в бордовых шелках сразу назвала причину его визита. Он проникся к ней уважением. Пожалуй, стоит рискнуть. По крайней мере он не сможет потом упрекнуть себя в том, что упустил хоть один шанс.

– Мы просто влюбились друг в друга... ошалели от страсти, – признался он. – Первое чувство – самое острое. Ни я, ни она не думали о ребенке. Об этом вообще речь не шла. Встречались украдкой то у нее в общаге, то у меня.

Странно было слышать от этого импозантного мужчины слово «общага». Глория улыбнулась.

– Я смешон со своими воспоминаниями? – побагровел Морозов.

– Ни в коем случае. Я тоже была студенткой...

– Академии волшебства и чародейства? Как Гарри Поттер?

С чувством юмора у него было все в порядке. Это значительно облегчало Глории задачу.

– Я училась в медицинском, – засмеялась она. – Медицина сродни магии. Там все на ощупь, на лезвии бритвы. Неверный шаг может стоить жизни. Разумеется, не доктору, а больному.

– Вы врач?

– Бывший...

– Уф-фф-ф! – Морозов полез в карман брюк за платком и смахнул выступивший на лбу пот. – Я уж думал, вы ведьма. Живете в лесу... слуга у вас... весьма колоритный. Того и гляди, посадит на лопату и отправит в печь.

– Неужели я похожа на Бабу Ягу?

Он выдавил кривую улыбку:

– У вас глубокий взгляд... довольно пронизательный для такой молодой женщины...

– Мы отвлеклись, – мягко вымолвила Глория, возвращая его к цели визита.

– Да, простите... Знаете, я не привык ворошить грязное белье при посторонних. Честь семьи для меня превыше всего. Если бы не угроза огласки, я бы мог прибегнуть к простейшему методу: сделать анализ ДНК. Слава богу, наука достаточно далеко продвинулась, чтобы...

– Но ведь ваша дочь...

– Та, которая выдает себя за нее! – поправил ее Морозов.

– Допустим. Требуется ее согласие на проведение анализа, не так ли?

– В этом и загвоздка.

– Вы уже говорили с ней?

– Я еще даже не видел ее. Меня нашла в «Одноклассниках» бывшая... – Он постеснялся сказать «любовница» и лихорадочно подыскивал замену этому слову: – Бывшая девушка... Теперь она почти бабушка, как и я. Наша весна отшумела... цветы увяли...

– А плоды приходится пожинать по сию пору? – усмехнулась Глория.

– Выходит, так... В общем, она сообщила мне, что я стал отцом двадцать девять лет назад и у меня есть родная дочь. Огорошила, надо признаться. Я растерялся! Не хватало, чтобы вокруг моего имени разразился скандал. Желтая пресса обожает смаковать пикантные подробности из жизни...

– Олигархов?

– Я не олигарх, – возразил Морозов. – Просто обеспеченный человек. Мой бизнес развивался успешно, и я сумел заработать. Я занимаюсь благотворительностью, мое лицо мелькает на страницах журналов, на экране телевизора. Я на виду! Понимаете? Журналистам только дай повод... мигом раздуют эту историю, начнут твердить, что богатый папаша бросил дочку в нищете и не желает слышать о ней...

– Вы боитесь общественного резонанса?

– Мне плевать на резонанс. Но у меня есть жена, с которой я прожил много лет... и дочка, в которой я души не чаю. Ей исполнилось двадцать, она прелестна и собирается выходить замуж за парня из состоятельной семьи. Короче говоря, скандал нам ни к чему! Если можно как-то обойти острые углы, я всегда стараюсь это сделать.

– Вот вы и решили окольными путями узнать, родная ли дочь объявилась или вас пытаются ввести в заблуждение. Без всяких там анализов и возможной шумихи.

– Правильно, – кивнул Морозов, сплетая пальцы в замок. – Вы умны. Я предпочитаю иметь дело с умными людьми.

– Ваши близкие не в курсе по поводу...

– Я ничего им не говорил. Надеюсь, она тоже не посмеет.

– Она – это мать вашей старшей дочери?

– Старшей? – он прочистил горло и оттянул воротник джемпера. – Впрочем, вы правы. Да, конечно... Я взял с нее слово, что она будет молчать.

– Она согласилась?

– Куда же ей было деваться? Она умоляла меня о помощи. Следовательно, я мог диктовать условия. Я думал, она попросит у меня денег... и готов был заплатить.

– Но ее просьба заключалась в другом.

– Именно так, – кивнул Морозов. – В другом.

– В чем же?

– Сначала я хочу знать наверняка, обманывают меня или...

Глория покосилась в угол дивана, туда, где лежала тень. Там сидел карлик и делал ей знаки несоразмерно длинными, как у обезьяны, руками. Эти знаки были утвердительными.

Посетитель поймал ее взгляд и повернулся в ту же сторону. Разумеется, он ничего не увидел, кроме дивана.

– Вам известно, сколько стоят мои услуги? – спросила Глория.

Морозов, несмотря на его приятную внешность, вызывал у нее неприязнь.

– Оленин назвал мне сумму. Честно говоря, она меня поразила.

– Тогда давайте прощаться!

– Нет-нет... вы меня превратно поняли, – спохватился посетитель. – Я привез чек. Вот. Он достал из сумки-планшета чек и положил на стол перед собеседницей.

– Какие у меня гарантии, что сказанное вами... что вы не ошибаетесь?

– Никаких, – спокойно ответила она.

– Но тогда...

– Здесь не магазин, где выдают гарантийные талоны на приобретенный товар.

В Морозове происходила борьба между деловой практичностью и любопытством, некой зыбкой надеждой на счастливый исход сего отчаянного предприятия. А вдруг проблема исчезнет по мановению волшебной палочки в руке этой странной женщины? Рассеется сама собой? И жизнь господина Морозова потечет по-прежнему гладко, без потрясений.

– Я понял... говорите. Моя судьба в ваших руках...

В его интонации сквозила театральщина. Он сам уловил это и смущенно отвел глаза.

– Вы действительно хотите знать правду?

– Зачем бы я ехал в такую даль, по-вашему?

– Это ваша дочь, – уверенно заявила Глория. – Вы ее родной отец.

– Что?

Он рассчитывал на снисхождение. Не от дамы в бордовых шелках, а от провидения, которое всегда благоволило к нему.

– Двадцать девять лет назад у вас родилась дочь, – бесстрастно повторила Глория. – Теперь у вас их две. Старшая и младшая. Если вы решитесь на анализ ДНК, он будет положительным.

– Но... – Морозов провел ладонями по щекам и сложил их в молитвенном жесте. – Я просто... у меня шок...

– Вы хотели услышать что-то другое?

– Как вы это проделываете? Черт вас возьми...

Он осекся, с беспощадной ясностью осознавая сей нежелательный, но – увы! – свершившийся факт. *У него двое детей.* Раньше он мечтал о втором ребенке, однако рождение Лили положило конец этим мечтам. Внезапная болезнь, тяжелые роды и последующие осложнения привели к бесплодию жены. Морозовы смирились с мыслью, что больше у них детей не будет.

– Почему я должен вам верить? – простонал Николай Степанович.

Глория молча придвинула к нему чек.

– Забирайте и прощайте.

– Погодите... поймите же меня... я...

– Вы ничего мне не должны, – сухо отвечала она, глядя мимо него на пустой угол дивана, где минуту назад сидел карлик. – Санта вас проводит.

Морозова не обрадовало, а скорее огорчило известие о том, что его мечта сбылась. Таковы люди! Сами не знают, чего хотят. Страдают, когда у них чего-то нет... а потом, едва их желание удовлетворено, опять недовольны. Им не угодишь.

– Простите, Глория...

– Вам не в чем винить себя, господин Морозов. Вы получили ответ на свой вопрос, но не обязаны ему верить.

– Я уже поверил. В глубине души я чувствовал, что Тоня говорит правду. Она была такой искренней... и несчастной, когда позвонила мне. Почему мы беспечно и легкомысленно подходим к судьбе ребенка? Она не имела права молчать!

– Вероятно, ей хотелось отомстить вам.

Глория представила себя на месте женщины, которая вдруг обнаруживает, что беременна. А отец будущего младенца бросил ее. Гордость не позволила ей признаться во всем неверному возлюбленному. Аборт было делать поздно...

Сколько таких маленьких трагедий наблюдала она во время практики в гинекологическом отделении городской больницы. Не перечесать.

– Отомстить? За что? – недоумевал Морозов. – Я не обещал Тоне жениться. Она тоже... не делала никаких намеков. Мы оба были слишком молоды, слишком любили свободу, чтобы связать себя узами брака...

– Почему вы расстались?

– Обычная история. Безденежье, неустроенный быт... учеба. Между нами все чаще возникали ссоры, сначала мелкие, потом... – он махнул рукой. – Ранние браки ни к чему хорошему не приводят. Если бы мы даже поженились, то давно бы разошлись.

– Зато у вас не было бы сомнений насчет дочери.

– Значит, вы настаиваете, что...

– Я ни на чем не настаиваю. Мои слова легко проверить. Зачем вы вообще пришли ко мне? Отправляйтесь в медицинскую лабораторию и получите результат анализов. Заплатите за анонимность, в конце концов.

– Не надо... Я не осмелюсь предложить дочери... вернее... Боже! Я не смогу заставить ее держать рот на замке! Как я объясню ей, почему она обязана молчать?

– Встретьтесь с ней, познакомьтесь. Поговорите. Возможно, она войдет в ваше положение.

Морозов сник и сразу постарел лет на десять. Из крепкого бодряка превратился в потрепанного жизнью уставшего человека. Большой бизнес изматывает даже сильных. Но его, кажется, гнетет что-то еще...

Перед Глорией возникла женская фигура в белых одеждах... с распущенными волосами и... с косой. Смерть?

– Как вы это делаете? – спросил посетитель, поднимая на хозяйку дома воспаленные глаза.

Его ум отказывался принимать ничем не подкрепленную информацию. Хотя душой он уже согласился с новыми реалиями.

– Просто... – сказала Глория. – А вы ждали сложных манипуляций? Мне следовало напустить туману или воскурить травяного дыму? Водрузить посреди стола хрустальный шар и долго пронизывать его взглядом? Погадать на воде? На кофейной гуще? Или вы предпочитаете карты? Принести колоду Таро и сделать расклад? Если дело в этом, извольте...

– Нет, я... не то имел в виду... впрочем, в чем-то вы правы.

– Вы ждали театрального эффекта, – усмехнулась она. – Тщательно подготовленного спектакля. Стало быть, я вас разочаровала!

– Вы меня... вы... я повержен...

Он не позволял себе пустить слезу при женщине. Не позволял дать волю своим чувствам: горю, сожалению, страху. Кажется, в его сердце проснулась прошлая любовь... забытая, далекая и оттого полная романтики и юношеских грез. Он боялся, что под напором этой былой любви его налаженный жизненный уклад даст трещину, а то и вовсе развалится. Выходит, у них с Тоней родилась дочь... плод той пылкой и трепетной страсти, которая больше не повторилась...

– Я много лет убеждал себя, что люблю жену... я действительно люблю ее! – вырвалось у него. – Но это совершенно другое чувство... спокойное, ровное.

«И пресное, – добавил он про себя. – Наконец я понял, чего мне не хватало в постели с Лерой. Неизвестности, неопределенности... нервной щекотки. Супружеский секс что-то теряет...»

У него рябило в глазах. Здесь, в зале с раскрытым черным зевом камина, разные оттенки красного напоминали то ли страсть, то ли кровь...

– Я не все рассказал вам, – неохотно признался Морозов.

– Я знаю.

– Может, и не надо говорить?

– Решайте сами.

Вокруг них порхала тень призрака с косой: не той, которую заплетают. А той, которой косят. Не только траву...

– Это связано со смертью, – все-таки произнесла Глория. – С насильственной смертью.

– Да-а... – удивленно протянул Морозов. – Как вы...

– Послушайте, – перебила она. – Давайте к делу. Вам важен результат, а не процесс.

Николай Степанович рассеянно кивнул. На его лице отразилась гамма эмоций – от замешательства до жгучего любопытства. Он впервые сталкивался с таким интересным явлением и не мог побороть желания разложить все на составляющие. Он привык анализировать данные, а не принимать на веру. Его рассудок сопротивлялся тому, что он слышал и видел.

– Вашей дочери угрожает опасность?

– Именно это обстоятельство и заставило Тоню найти меня и обратиться за помощью, – подтвердил он. – Мою дочь... подозревают в убийстве...

ГЛАВА 4

Москва

В тот вторник Лавров провел летучку в своем кабинете и, когда подчиненные разошлись, решил выпить чашечку чаю.

Завтракать он не успевал. Пробки на дорогах вынуждали его выходить из дому загодя и так рано, что его аппетит еще спал. Он пробовал пользоваться метро, но и это не всегда помогало.

Включив чайник, начальник охраны взялся было за бумаги, как его взгляд уперся в престранную вещицу. Это была маленькая пластилиновая кукла, сделанная ребенком. По крайней мере, слепили ее довольно примитивно. Неизвестный «скульптор» примостил свой шедевр на подвесной полке между цветочным горшком и пепельницей.

Курить в офисе Колбин строго запретил, и пепельница осталась на полке в виде напоминания о вредной привычке. Сам хозяин кабинета к табаку не пристрастился. Мог закурить, если надо... но без удовольствия.

Насвистывая свой любимый мотивчик «Тореадор, смелее в бой...», Лавров направился к полке и протянул руку к кукле. Однако что-то его удержало, и рука застыла в воздухе, не решаясь прикоснуться к фигурке. Чем-то «пластилиновый мальчик», как мысленно окрестил его начальник охраны, напоминал...

– Черт! Неужели это я?

Кукла в самом деле смахивала на Лаврова. Широкие плечи, плотная шея, короткие волосы. Одежду «скульптор» обозначил несколькими штрихами, очевидно нанесенными пластмассовым стеклом³, которые обычно кладут в коробки с пластилином. На левой стороне груди тем же стеклом было выцарапано сердце...

– Че-е-ерт...

В сердце «пластилинового мальчика» торчала металлическая булавка. Обыкновенная портняжная иглолка с головкой на тупом конце.

– Эт-то что еще за вуду? – пробормотал Лавров. – Кто тут развел африканскую магию?

Смешно, но он так и не осмелился дотронуться до куклы, как будто этим он мог дать силу заклятию, которое, несомненно, было наложено на фигурку. Мысль о розыгрыше мелькнула, но не задержалась в его уме. Для такой выдумки нужен особый склад мышления. Вряд ли им обладали охранники, которые находились у Лаврова в подчинении и запросто заходили в его кабинет.

Он оставил все как есть и вернулся на свое место за столом, забыв и о чайнике, и о терзавшем его чувстве голода.

Кто угодно мог оставить у него в кабинете пластилиновую куклу. К нему заглядывали все кому не лень. Может, одна из девушек или молодых женщин, работающих в офисе, заимела на него зуб? И решила сжить со свету?

– Пам-па-рам-пам-пам... – пробормотал он, постукивая в такт пальцами по столешнице.

В груди вдруг резко кольнуло, Лавров схватился за сердце и скорчился от боли.

– Вот те на... – выдохнул он, боясь разогнуться. – Начинается...

«Пластилиновый мальчик» ехидно ухмылялся, взирая с полки на своего огромного двойника. «Скульптор» вместо рта нанес стеклом на его лицо полоску с загнутыми верх краями, обозначающую зловещую улыбку.

³ Стекло – деревянный резец, употребляемый скульпторами при лепке.

– Рано радуешься... – простонал начальник охраны, лежа на столе и прислушиваясь к ощущениям в области сердца.

Кажется, отпустило. Он осторожно вдохнул... потом еще раз. Боль стихла. Лавров поднялся и медленно выпрямился, проклиная чертову куклу и собственный страх. Он никогда не был суеверным. Что же теперь?

– С кем поведешься, от того и наберешься, – буркнул он, вспоминая Глорию.

Глория! Вот кто поможет ему разобраться с «пластилиновым мальчиком». Зря, что ли, она поселилась в доме колдуна... и сама пошла по его стопам?

Спасительная идея придала Лаврову уверенности, и он – продолжая держаться рукой за сердце – попробовал встать из-за стола.

Получилось!

Он торжествующе хмыкнул и расправил плечи. В груди заныло. Но это уже были отголоски, а не боль. Лавров приободрился.

– Тебя никто не должен видеть, – заявил он кукле и погрозил пальцем. – Ну-ка, Гюльчатай, спрячь личико...

С этими словами он взял со стола лист бумаги, подошел к полке и хотел накрыть фигурку, но замешкался. В первый раз он не заметил одной важной детали: в середине сердечка, откуда торчала булавка, была выведена буква «Р».

«Роман! – догадался начальник охраны. – Это же мое имя! Написано, чтобы я не спутал «мальчика» с кем-то другим...»

Несколько забористых ругательств слетело с его языка.

– Тс-sss! – зачем-то оглянулся он по сторонам и прижал палец к губам. – Тихо, Рома... на тебя открыли охоту...

Он представил себя со стороны и сдавленно хохотнул. Сердце отозвалось ноющей болью. Вернее, слабым эхом боли.

– Уф-ф-фф... – перевел дыхание Лавров и застыл на месте, прислушиваясь.

Внутри его тренированного выносливого тела как будто поселилось нечто чужеродное и опасное.

– Врешь, не возьмешь! – выдохнул начальник охраны, делая-таки шаг вперед и накрывая злосчастную куклу листом бумаги. – Ну что? Как тебе там, в темноте?

«Пластилиновый мальчик» оставался немым.

– Пока, парень! – бросил ему Лавров. – Не скучай тут без меня. Увидимся!..

В коридоре ему навстречу попала секретарша Колбина, потом молоденькая бухгалтерша. Обе, казалось, очень подозрительно улыбались, а бухгалтерша прошла мимо и повернулась, чтобы еще раз взглянуть на начальника охраны.

Лавров любезно поклонился. Бухгалтерша смутилась и ускорила шаг. Стук ее каблучков долго отдавался у него в ушах.

На улице он понял, что служебный внедорожник забрал глава компании. Во всяком случае, на парковочной площадке машины не было. А в легковушке до Черного Лога не доберешься. Тем более в дождливую погоду.

Лавров поднял голову и чертыхнулся. Над городом плыли тучи. Того и гляди, разразится майская гроза.

– Врешь, не возьмешь! – повторил начальник охраны, покачнувшись и провел рукой по лицу, сбрасывая наваждение.

Парень, охраняющий парковку, торопливо подошел к нему.

– Вам плохо, Роман Васильевич? Может, воды?

– Я так скверно выгляжу?

– Ну... – замялся тот. – Я подумал, может, у вас с похмелья голова кружится...

– Я столько не пью, Игорь! – сердито ткнул пальцем в его бейджик Лавров. – Понял?

– Понял... извините...

Парень попятился, а начальник, пошатываясь, достал брелок, открыл свой темно-синий «опель», уселся и включил зажигание.

В глазах темнело, к горлу подкатывала тошнота. Лавров схватился за виски и с силой потер их. В голове чуть прояснилось.

– Игорь! – поманил он охранника, высунувшись из машины. – Если меня будут спрашивать... я отлучился по делам. Так и скажешь.

– Хорошо, Роман Васильевич, – кивнул парень, вытягиваясь и только что не беря под козырек.

– Расслабься, Игорь...

– С вами все в порядке? – наклонился к нему охранник. – Может, я поведу?

– А кто вместо тебя здесь будет?

– Толяна попрошу... сменщика моего. Он мигом прибежит.

Лавров боролся с дурнотой, и предложение парня показалось ему заманчивым. Однако он все же отказался.

Никому не следует знать, куда он направляется... и, главное, о чем он собирается говорить с Глорией...

* * *

У поварихи Кравцовой сегодня все валилось из рук. Омлет на завтрак вышел пережаренным, перед обедом она чуть не ошпарилась кипящим бульоном, потом порезалась, шинкуя лук. Из глаз текли слезы, из ранки на пальце сочилась кровь. Она с сердцем отложила нож и побежала к аптечке за ватой, перекисью и пластырем.

– Давайте помогу, – с сочувствием предложила посудомойка в коротеньком фирменном халате с вышивкой на карманах.

Вышивка изображала растение с широкими овальными листьями, ниже шла надпись: «Фикус».

Ресторан с этим названием работал с девяти утра до одиннадцати вечера. Утром посетителей было мало. Зато в обед почти все столики были заняты, – служащие из близлежащих офисов приходили сюда перекусить. Комплексные обеды в «Фикусе» славились домашним вкусом и умеренными ценами.

По вечерам здесь нередко устраивались корпоративные гулянья. Кравцова работала сутки через двое. Раньше это давалось ей легко, но с возрастом она начала сильно уставать. Да и комплекция оставляла желать лучшего. Тучность не только не красит женщину, но еще и мешает двигаться. У поварихи появилась одышка, ноги болели, в пояснице стреляло. Она с трудом выдерживала смену.

Кровь никак не хотела останавливаться. Посудомойка выбросила в мусорную корзину промокшую вату и достала новый клочок.

– Больно? – подняла она глаза на Кравцову.

– Нет...

– Ножи слишком острые.

– Смотреть надо, – вздохнула повариха. – А тут делаешь одно, думаешь о другом... Так и палец себе отхватить недолго.

Наконец они справились с кровотечением, заклеили ранку пластырем, и Кравцова вернулась к своему разделочному столу. Только взялась за мясо, как ее окликнули.

– Антонида Витальевна! – крикнул с порога администратор. – К вам пришли!

– Кто?

Молодой человек быстрыми шагами пересек кухню, приблизился к ней и шепнул:

– Товарищ из органов...

– Господи!

– Идите, он ждет...

– А как же это? – она показала ножом на куски подготовленной к нарезке свинины.

– Вера пока все сделает. Я разберусь... вы идите, идите.

Кравцова нехотя вытерла руки о бумажное полотенце и зашагала к выходу.

В зале было почти пусто. За двумя столиками сидела мужская компания, а за третьим...

Повариха сразу узнала оперативника, который уже беседовал с ней.

Тот вежливо поздоровался и пригласил ее присесть. Перед ним на клетчатой скатерти стояла чашка с чаем и недоеденные блинчики.

– Извините, голодный с утра...

– Ничего, кушайте, – понимающе кивнула Кравцова.

Она заметно волновалась, не знала, куда деть руки, но потом положила их на стол.

Оперативник покосился на ее заклеенный пластырем палец и спросил:

– Порезались?

– Да... – смутилась она и убрала руки, сунула их в карманы халата.

Кравцова выглядела старше своих сорока восьми лет. Лицо в ранних морщинах, волосы с покрашенной сединой, нездоровая полнота. От былой привлекательности остались только синие глаза.

Оперативник торопливо прожевал блинчик и еще раз извинился. Это, по его мнению, располагало к нему людей, и те теряли бдительность. В чем-то он подсознательно подражал сыщику Коломбо из одноименного детективного сериала: старался казаться недалеким и бестолковым.

– У меня к вам всего пара вопросов, – изображая неловкость, промямлил он. – Простите, что отрываю вас от работы...

– Ничего, – вздохнула Кравцова.

– Вы кого-нибудь подозреваете в убийстве зятя?

Она с удивлением уставилась на него, как будто впервые увидела.

– Я уже говорила вашему следователю, что была мало знакома с Ветлугиным. Мы почти не общались. Как я могу кого-то подозревать?

Ни разу за все время следствия она не назвала зятя по имени. Только Ветлугин. По-видимому, они друг друга недолюбливали.

– Вас не очень-то огорчила его смерть.

– Не очень, – честно призналась она, разглядывая прибор для специй, состоящий из керамической солонки, перечницы и горчицы.

Оперативник ждал продолжения, но Кравцова ограничилась этой лаконичной репликой.

– Почему?

– С какой стати мне его оплакивать? Мы, по сути, оставались чужими людьми. У него своя жизнь, у меня – своя. Не я за него замуж выходила, а моя дочь.

– Ваша дочь любила мужа?

– Об этом лучше спросить у нее.

– А вы как думаете?

– Молодой человек... что вы подразумеваете под любовью? Общую крышу над головой? Постель?

– Чувства...

– Очевидно, Мариша испытывала какие-то чувства к Ветлугину, раз стала его женой.

– Это был брак по расчету?

– Какая разница? Бывает, люди сходятся по расчету, а потом любят друг друга без памяти. А бывает... любовь приносит одни страдания.

– Ваша дочь унаследует все состояние покойного, – сказал оперативник. – Это немалые деньги. Вы знали, что у Ветлугина не было других близких родственников?

– Я его родословную не изучала.

– Допустим. А как они жили с Марианной?

Кравцова заерзала и начала поправлять волосы.

– Сколько можно спрашивать одно и то же? Как-то жили. Я в их отношения не вмешивалась.

– Дочка вам ничего не рассказывала? Не делилась своими переживаниями?

– У меня сердце прихватывает. Она меня щадила, не посвящала в свои проблемы. Да и что я могла сделать? Чем помочь?

– Значит, у них с Ветлугиным были проблемы?

– Не ловите меня на слове, – рассердилась Кравцова. – Я вам все сказала. Больше мне добавить нечего.

– Где вы находились во время убийства?

– И на этот вопрос я уже отвечала. В тот день я спала дома. Отдыхала после суток. Подтвердить мои слова некому! Я живу одна... Разве что Пончик меня видел.

– Кто такой Пончик?

– Мой кот. Он спал со мной рядом.

– И часто вы спите днем?

– После работы бывает. Натопчешься у плиты, наломаешься... ноги гудят, спина ноет, голова раскалывается. Прихожу домой и валюсь спать. А вы что, меня подозреваете? – горько усмехнулась Кравцова. – Больше ничего не придумали? Если не Мариша мужа прикончила, значит, теща зятя на тот свет спровадила? Отлично. Других версий, как я понимаю, не имеется?

– Ветлугин был богат, теперь его деньги достанутся вашей дочери.

– Нам его деньги без надобности. Жили до него и без него проживем.

– Что же, Марианна намерена отказаться от наследства?

– Зачем ей отказываться? Раз судьба так распорядилась, пусть пользуется.

Оперативник промычал нечто невразумительное и отхлебнул холодного чая.

– У Ветлугина были враги?

– У него-то? Надо полагать, были. Характер у него тяжелый.

– Ваша дочь жаловалась вам на мужа?

– Послушайте... что вы с разных сторон за один кончик хватаетесь? Не убивала Мариша! Она не такая. Я свою дочь знаю...

ГЛАВА 5

Черный Лог

Глории опять приснился ее навязчивый сон. Он будто прирос к ней, стал неизменным атрибутом ее существования. Погрузившись в него, она уже узнавала нескончаемую анфиладу комнат с распахнутыми дверями, лепнину на стенах, расписные плафоны на потолках... пылающие свечи в массивных канделябрах...

Даже звуки этого сна становились для нее привычными – шум апельсинового сада за окнами, приглушенный говор странных обитателей... чарующая музыка... грохот колес...

Именно грохот колес и разбудил ее сегодня. Вернее, она проснулась от страха. Прямо по аллее сада на нее во весь опор неслась колесница...

– А-а-ааа!

Крик раздался только в ее воображении. На самом же деле Глория поднялась с подушек и молча села на кровати, уставившись на гобелен «Русалочья охота»...

Нарядные всадницы, казалось, посмеивались над ней. Свора гончих кружилась на зеленой поляне. Шумели деревья. Впрочем, какое «шумели»? Это ведь только настенный ковер с вытканым на нем изображением.

На другом настенном ковре была выткана сцена придворной жизни. Царь Соломон встречает царицу Савскую...

«Сколько он может ее встречать? – мысленно простонала Глория, окончательно просыпаясь. – Карлик не зря повесил здесь эти гобелены, а потом поселил меня в этой уютной спальне⁴. Он во все вкладывал тайный смысл. Я должна понять...»

Сквозь плотную ткань штор пробивался свет. День обещал быть теплым, но пасмурным, дождливым.

Глория зевнула, потянулась и отправилась в ванную. Утренний туалет занимал у нее около часа. Душ, прическа, легкий макияж. Из одежды она сегодня выбрала льняной домашний костюм – брюки и тунику с вышивкой.

Санта ждал ее в столовой с завтраком. Яйца, гренки, кофе и абрикосовый джем. Чисто европейская трапеза.

Она молча жевала, обдумывая историю вчерашнего посетителя. Господин Морозов произвел на нее неоднозначное впечатление. Когда с него слетели лоск и напускная бравада, перед ней оказался ранимый и запутавшийся человек. Он боялся встречи со своей первой любовью, боялся своих чувств и того, что сулила ему эта встреча. Прошло без малого тридцать лет, и Морозов не хотел ворошить прошлое. Но оно догнало его и властно заявило о себе.

Он не мог заставить молчать бывшую сожительницу... и не мог оставить без помощи родную дочь. Не важно, чья вина в том, что они ничего не знали друг о друге все эти годы.

– Хм...

Слово «сожительница» покорило Глорию. А как еще называть женщину, с которой у Морозова были интимные отношения? Ведь он на ней не женился. Любовница? Тоже не совсем верно... Пассия? Как-то вульгарно.

Судя по всему, Морозова и некую Антонида Кравцову связывал не просто секс, а нежная влюбленность, которая не угасла и по сей день. Именно это тревожило и пугало Николая Степановича. Он-то думал, что последняя страница сего романа давно перевернута.

Кравцова обратилась к нему от отчаяния. Оказывается, их дочь Марианна недавно овдовела. Ее муж был зверски убит неподалеку от собственного дома в подмосковном

⁴ Подробнее читайте об этом в романе Н. Солнцевой «Копи царицы Савской».

поселке Роща. Марианна попала под подозрение. Мотивом для убийства могло послужить наследство. Погибший супруг не имел близких родственников, и все его имущество должно перейти к Марианне.

Полицейские ухватились за этот факт и грозятся упечь молодую женщину за решетку. Тем более что проходивший мимо по лесной тропинке сосед застал ее возле трупа. Она выглядела невменяемой и кричала от ужаса.

Правда, орудия убийства рядом с телом не нашли. Зато другой сосед, который постоянно ходил по той самой тропинке на автобусную остановку, показал, что видел женскую фигуру, одетую в белое... она мелькала между деревьев, как будто пряталась. Это было как раз перед убийством.

Хуже всего, что на Марианне тоже было надето белое платье в мелкий цветочек. И его подол испачкался в крови. Хотя она опустилась возле трупа на колени, и кровь вместе с соком травы легко могла попасть на платье.

Разумеется, серьезных улик против Марианны у следствия нет, но девочке ужасно треплют нервы! А она и без того издергана. В чем только душа держится...

Этот ее муж был настоящим монстром. Психопатом, который издевался над женой самыми изощренными способами.

Тут сам собой напрашивался вывод, что если Марианна его убила, то правильно сделала. Но мать не допускала подобной мысли.

«Наша дочь не могла убить человека, – рыдала она в трубку. – Помоги, Коля! У тебя наверняка есть хорошие адвокаты на примете... есть связи в прокуратуре...»

Выслушав причитания бывшей возлюбленной, Морозов не остался равнодушным. С одной стороны, он опасался подвоха, с другой – чувствовал, что Кравцова не лжет. По крайней мере не все в ее словах – ложь.

Да, у него были и деньги, и связи, и знакомые адвокаты. Но вступать в это грязное дело ему не с руки. И отказать язык не повернулся, и позволить этой истории просочиться на страницы газет или, упаси бог, на телевидение он тоже не имел права. У него самого дочь – невеста. Вторая, младшенькая... если Марианна действительно его кровинка, плоть от плоти...

Репутацию семьи загубить – раз плюнуть. Попробуй потом отмыться. Легко испортить младшенькой всю обедню. Испоганить такой чудесный жизненный старт! Этого Морозов допустить не мог. Что скажет жена? Как отреагируют новые родственники? Он не смеет рисковать счастьем Лиленьки.

«Пришла расплата за грехи молодости! – сорвалось с его уст. – Мое неведение не спасло меня от ответственности».

Он пустился в рассуждения о законах земных и небесных, а перед внутренним взором Глории вдруг предстала леденящая сердце картина – лежащее на боку тело, зияющая рана на горле... застывшая кровь... примятая трава...

«Я готов удвоить ваш гонорар, если вы мне скажете, причастна ли моя дочь к смерти мужа, – взмолился напоследок господин Морозов. – Я должен это знать! Чтобы... чтобы...»

«Не навредить ей?»

«Да! – сокрушенно признался он. – Частное расследование может только усугубить ее положение, если она... Вы понимаете?»

Он хотел гарантий, хотел обезопасить себя от возможных последствий. То, что он назвал Марианну *дочерью*, свидетельствовало о высокой степени доверия, которую вызвала у него Глория.

Она рада была бы успокоить новоиспеченного отца. Однако возникавшая в ее сознании картина убийства походила на застывший кадр и не желала разворачиваться. Это был свое-

образный «пост фактум» – результат, который никак не прояснял причину и не показывал само действие.

«Не буду вводить вас в заблуждение, – после долгого молчания вымолвила Глория. – Истина пока мне не открылась. Могу сказать только то, что смерть пришла к погибшему в женском обличье... и с косой...»

«У нее была коса? Так это же особая примета! – обрадовался Морозов. – У Марианны волосы едва достают до плеч. Из них косу не сплетишь. Тоня прислала мне ее фото по Интернету. Собственно... это и заставило меня прийти к вам. Я искал в ее лице сходства с собой... и не нашел. Она больше похожа на мать. Вот...»

Он достал из кожаной сумочки-планшета отпечатанный на принтере снимок и протянул Глории.

«Что вы скажете?»

С фотографии смотрела худощавая брюнетка приятной наружности. Челка, слегка подвитые локоны вдоль щек, синие глаза, прямой нос, вымученная улыбка на губах. Чем-то она неуловимо смахивала на своего отца.

«Могу повторить то, что уже говорила, – уверенно заявила Глория. – Женщина на фотографии – ваша дочь. Нравится вам это или нет».

«У нее нет косы!» – напомнил Морозов.

«Вижу... только я имела в виду другую косу. Ту, которой косят...»

«Вы... ах, да! – спохватился он. – Горло убитого было перерезано... острым закругленным лезвием. Я поручил доверенному человеку изучить результаты осмотра места происшествия и предварительные показания свидетелей. Меня они удивили, признаться. Неужели это была коса? Бог мой! Попробуйте зарезать человека такой штуковиной! Полагаю, женщина вообще не могла бы этого сделать».

Он был растерян, подавлен. Коса! Бред какой-то...

Глория пожала плечами. В принципе она разделяла мнение Морозова, но против своих *видений* не попрешь.

«Согласна с вами, – все же кивнула она. – Косой зарезать не просто, тем более мужчину».

«Тогда как понимать ваши слова?»

«Буквально. Я не судебный эксперт. Я вижу то, что вижу. Была коса! Боюсь, криминалисты это подтвердят...»

* * *

Поселок Роцца

Весь дом теперь перешел в распоряжение Марианны. Она может заходить в любую комнату, заглядывать в любые шкафы, открывать любые ящики, рыться в вещах и бумагах. Даже ключи от встроеного в стену сейфа от нее никто не прячет.

У Трифона Ветлугина нет родни, нет наследников. Никто не явится сюда делить имущество, бросать на нее косые взгляды и обвинения, никто не прикажет ей немедленно убираться. Ее покойный муж оказался совершенно одиноким человеком. Совершенно...

Это настораживало и пугало. Полицейским сие обстоятельство тоже не понравилось. По их мнению, у Марианны был мотив для убийства. Но веских доказательств не нашлось. Правда, с нее взяли подписку о невыезде. Но она и так не собиралась никуда уезжать.

Когда тело Ветлугина увозили в морг, она испытала странное ощущение: будто ее замужество наложило на нее тавро проклятия. Не потому, что ее супруг погиб насильственной смертью. Не потому, что ее словно вывалили в грязь. Не потому, что она два года терпела унижения и не смела положить этому конец. Не потому, что она попала в полную зависи-

мость от мужа и обретенная столь жутким способом свобода почему-то ее не радовала. Не потому, что она чувствовала себя рабыней, которой после смерти хозяина некуда себя деть. Не потому, что она не знала, как ей жить дальше...

С того момента, как Марианна переступила порог этого дома в качестве жены, она ни минуты не чувствовала себя здесь хозяйкой. Хозяином был Ветлугин – жестким, неумолимым и опасным. Она его боялась. Реально! Он только однажды пригрозил, что свернет ей шею, если она его ослушается. И добавил с ухмылкой:

«Закопаю в лесу и объявлю в розыск. Скажу, что жена поехала навестить мать и не вернулась. Тебя никто не найдет. Сомневаешься?»

Правда, Ветлугин тут же обратил все в шутку. Рассмеялся, обнял ее и шепнул на ушко:

«Испугалась, дуреха? Я тебя и пальцем не трону. Я же твой муж! А браки заключаются на небесах...»

И повел ее в комнату, где они занимались сексом. Это «интимное таинство» ни разу не происходило в спальне. Кроме первой брачной ночи. Да, да! У них с Ветлугиным была старомодная, тривиальная брачная ночь. С роскошной двуспальной кроватью, усыпанной лепестками роз, со свечами и шампанским. Ей невероятно импонировало, что до свадьбы он не делал попыток затащить ее в постель.

Какая же она наивная! Вообразила, что ей попался настоящий принц.

Марианна сама себя загнала в угол. Она поддалась гипнозу Ветлугина, стала мягким воском в его руках, позволяя лепить себя наново, полностью подчинилась его воле. И он не преминул этим воспользоваться.

Она трепетала перед ним, утратив всякую гордость, всякое достоинство. Страх впитался в каждую клеточку ее тела, парализовал ее мозг и способность рассуждать здраво. Ей казалось, муж видит ее насквозь, читает каждую ее крамольную мысль. Он в самом деле был дьявольски подозрителен и подвергал ее строгим допросам. Не могло быть и речи, чтобы она съездила сама в Москву, к матери... или прошлась по магазинам. Даже местным, рощинским.

Везде только вместе с Ветлугиным, только под его контролем. А если он отлучался по каким-то своим делам, то за ней непременно присматривал садовник.

Этот туповатый, но безраздельно преданный Ветлугину мужик с рябым лицом ужасно раздражал ее. После смерти хозяина он стал тише воды, ниже травы и не спешил показываться Марианне на глаза.

В принципе ничто не мешало ей уволить садовника. Но кто же будет ухаживать за газонами и садом? Она пока не хотела ничего менять. У нее просто не было сил. Пока она только пыталась разобраться, во что ее втянул покойный супруг. И вообще, кем он был?

Ветлугин нигде не работал, целые дни проводил дома, читал... занимался йогой, слушал музыку или сидел за компьютером. При этом он не испытывал нужды в деньгах. Раз в месяц они выбирались в район, где делали необходимые покупки и снимали определенную сумму с его счета.

Банкоматами Ветлугин не пользовался. Он считал, что это ненадежно.

Марианне строго воспрещалось заходить без стука в его кабинет. Ей много чего воспрещалось. Задавать вопросы, к примеру, водить машину, работать, делать самостоятельные покупки.

Если ей нужно было сделать прическу или маникюр, муж возил ее в салон красоты и не только оплачивал услуги, но и не скупился на чаевые. Марианна не могла упрекнуть его в жадности или мелочности. Он покупал ей все, что она выбирала – в разумных пределах, – и лишал ее повода выражать недовольство.

С работы она уволилась охотно, еще до свадьбы. Под завистливые вздохи сотрудниц написала заявление и собрала личные вещи. Ей опостылела бухгалтерия: бесконечные

цифры, дебет, кредит, баланс, придирки начальства, проверки... нервотрепка и скромная зарплата. Замужество сулило ей обеспеченную жизнь и новые радости.

Ох, как она ошибалась!..

Почему она не сбежала от Ветлугина? Почему не вышла однажды со двора, не села в автобус и не укатила домой, к матери?

Она убеждала себя, что любит Трифона – несмотря на все его причуды. Он странный... но каждый человек по-своему странен. Он наводит на нее панический страх. Но разве не сказано: «Да убоится жена мужа своего»?

Должно быть, это нормально, когда все под его контролем. Вот ее мать смолodu живет одна. Разве ей сладко? Разве она не плачет по ночам в подушку? Марианна не раз просыпалась от ее всхлипов, утешала, делала успокоительный чай или капала в рюмочку корвалол. Болезнь сердца у матери – от одиночества, от тоски, от безнадёги.

Марианна боялась повторить ее судьбу. Очень боялась. Потому и терпела все, что вытворял с ней Ветлугин. Смирля гордыню. Покорялась... страдала. Но разве не через страдания лежит путь к блаженству?

Однако сколь веревочке не виться, а кончику быть...

С этими мыслями Марианна обходила комнату за комнатой в доме покойного мужа. Казалось, его тень скользит следом, следит за каждым ее шагом. Пусть следит. Тень – это всего лишь тень. Сам Ветлугин лежит в холодном морге и не в состоянии пошевелить пальцем.

Щелк! Она открыла дверь в комнату, куда он привел ее на вторую ночь после свадьбы...

Через несколько минут Марианна вышла оттуда, волоча за собой большую картину в тяжелой раме. Бросила на пол, сбежала за ножом и, обливаясь холодным потом, вырезала полотно. Свернула в трубочку... постояла в раздумьях.

– Иначе нельзя... – прошептала она онемевшими губами.

В кухне сохла вымытая посуда, пахло приправами, которые Клавдия добавляла в тушеную рыбу. Где-то возле плиты она держала спички. Марианна нашла коробок и бросила в карман.

Было уже темно. Кухарка давно закончила свои дела и ушла домой. Садовник тоже.

Марианна выскользнула во двор, бросила трубочку на землю и принялась поджигать. Спички гасли одна за другой. Проклятое полотно не желало гореть.

Пришлось возвращаться в кухню за спиртом. В бутылке осталось меньше половины. Клавдия настаивала на спирту ягоды для своего фирменного ликера.

– Мне хватит... – пробормотала Марианна, беря бутылку.

Облитая спиртом трубочка занялась синим пламенем...

ГЛАВА 6

Черный Лог

Санта усердно подметал площадку перед домом, когда за воротами раздался громкий сигнал клаксона.

– Кого это принесло?

Сердито ворча, великан толкнул калитку и выглянул на улицу. На дороге стояла заляпанная грязью «Нива» деревенского электрика.

– Тебе чего, Петя? – с натянутой вежливостью осведомился Санта. – У нас по твоей части все в порядке.

– Не вызывали, значит? – осклабился тот, бросая в траву через опущенное стекло бычок.

– Курить, Петя, вредно для здоровья...

– Жить вообще вредно, – вздохнул электрик. – А нам, мужикам, особенно. На каждом шагу подстерегают какие-нибудь напасти. Бабы из нас веревки вяют, государство нас имеет! Все, блин, норовят облапошить! Тут не только закуришь, – запьешь горькую.

Великан дипломатично промолчал.

– Вы гостей ждете? – помрачнев от собственной упаднической философии, спросил Петр.

– Нет...

– Зря! Мужик один ехал к вам и застрял на проселке, у елового подлеска. Угодил колесом легковушки в колею, забуксовал... Христом Богом молил вызволить. А у него троса нет. И у меня нет. Сосед давеча одолжил и забыл отдать. У него по пьяни совсем, блин, мозги отшибло...

Санта не на шутку рассердился. Тащиться на проселок выручать незадачливого водителя ему совсем не хотелось. Судя по «Ниве» электрика, его «аутлендер» будет в грязюке по самую крышу.

– Я только машину помыл, – плюнул он с досады.

– Ну, пока! – с ехидной улыбочкой помахал ему рукой Петя. – А то я голодный как черт...

Он рванул с места и, скользя по мокрой глине, покатил дальше. Санта еще раз сплюнул, глядя, как «Ниву» носит от забора к забору.

– Какой придурок сюда после дождя на легковушке едет? – пробурчал он, направляясь к гаражу. – Небось *телохранитель* пожаловал...

Телохранителем он окрестил Лаврова и упорно продолжал так его называть. Хотя отлично знал, что тот занимает пост начальника охраны.

Санта предупредил Глорию о причине отлучки, вывел из гаража светлый «мицубиши-аутлендер» и, осыпая незваного гостя самыми нелестными эпитетами, поехал на выручку...

* * *

– Что с тобой? – всполошилась Глория, увидев бледного Лаврова, который с размаху плюхнулся в кресло и тяжело задышал.

– Думал, не доеду...

Она сделала знак Санте удалиться и подала гостю воды.

– Выпей...

Тот вяло глотнул и со страдальческой гримасой отдал ей стакан.

– Ты можешь объяснить, в чем дело? Тебе плохо?

В ней проснулись врачебные навыки, и она схватила его запястье, считая пульс. Сердце Лаврова билось учащенно.

– У тебя стресс. Что-то случилось?

– Ты не поверишь... – выдохнул Лавров, почти как в одноименной телепередаче.

– Неужели тебя так испугала перспектива ночевать на проселке?

– Глупости...

– Почему ты приехал на «опеле»? Знал же, что застрянешь.

– Внедорожник Колбин зафрахтовал, а я не мог ждать... срочно захотел тебя увидеть.

– Да ладно... – недоверчиво протянула Глория. – Мог бы джип напрокат взять, если уж приспичило.

– Мне это даже в голову не пришло, – признался он. – Я баран...

Она понимала, что Лавров говорит половину правды. У него действительно возникла острая нужда поговорить с ней. Но это не было связано с чувствами. От начальника охраны фонило страхом...

– Что тебя испугало? – убрав улыбку, спросила она.

Лавров взялся за сердце, что удивило ее еще больше, чем явно выраженный испуг. Здоровый, как молодой жеребец, начальник охраны вспоминал, где расположены внутренние органы, только после драки или ушибов.

– «Пластилиновый мальчик»... – глухо вымолвил он, покосившись на дверь.

– У Санты нет привычки подслушивать, – заверила его Глория. – Какой такой *мальчик*?

– А ты это... – Лавров повел в воздухе пальцами. – Включи свое видео!

Она молча уставилась на него, ощущая, как уже ее сердце начинает биться чаще.

– Да в чем дело?

Она бы хотела понять его проблему, но «видео» отказывалось включаться. К сожалению, Глория не умела управлять этим непостижимым явлением. Картины либо возникали в ее сознании, либо нет.

– Ничего не чувствуешь? – осторожно поинтересовался Лавров. – Никакого вредоносного воздействия?

– Ах, это!..

– На меня навели порчу, – шепотом сообщил ей начальник охраны.

И как только его язык повернулся говорить подобную чушь? Но – повернулся. Надо же как-то спастись? Кулаками тут не помашешь. Бесполезно. И лекарства не помогут. Он кое-что читал об африканском колдовстве и слышал, что русские умельцы успешно перенимают опыт заморских коллег.

Сбиваясь и переводя дух, он поведал ей о пластилиновой кукле, которую обнаружил у себя в кабинете после летучки.

Вопреки ожиданиям, на Глорию это не произвело должного впечатления. Она едва сдерживала смех.

– С каких пор ты веришь в порчу и сглаз? – вместо выражения сочувствия осведомилась она.

– Черт бы побрал все это! – он почему-то махнул рукой в сторону портрета на стене каминного зала. – Все эти ваши фигли-мигли!

– Это не фигли-мигли, а портрет графа Сен-Жермена⁵.

– Вот-вот! С кем поведешься, от того и наберешься.

⁵ Граф Сен-Жермен (ок.1710–1784?) – вымышленное имя, под которым стал известен один из самых загадочных авантюристов Европы.

К удивлению Лаврова, ему стало легче дышать, и боли в области сердца прекратились. Видимо, само присутствие Глории оказывало лечебный эффект. Она же врач, в конце концов. Не даст ему умереть.

– Я не знал... что это Сен-Жермен, – вымолвил он, прислушиваясь к своему состоянию. – Думал, просто... картина известного художника.

– Художник как раз неизвестен.

Граф Сен-Жермен – упитанный мужчина с самодовольным лицом, обрамленным пышными локонами, с залихватски подкрученными вверх усами, одетый в бархатный камзол, красный плащ и меховую шапку с пером, – насмешливо взирал со стены на Лаврова. В его глазах читался язвительный вопрос: «Проняло, братец? То-то! Негоже подвергать осмеянию тонкие материи...»

– Я не подвергаю, – малодушно соврал начальник охраны.

Глория засмеялась.

«Здесь даже портреты разговаривают», – подумал Лавров и состроил обиженную мину.

– Хорошо тебе смеяться...

Между тем к нему с каждой минутой возвращались силы и самообладание. Не прошло и получаса, как его самого развеселили недавние страхи.

– Как ты мог поддаться панике? – мягко укоряла его Глория. – Ай-яй-яй! Такой умный, храбрый, рассудительный мужчина... и вдруг испугался какой-то куклы.

– Не какой-то! – смущенно возражал начальник охраны. – Это был я. И у меня в груди торчала булавка!

– В том-то и беда, что ты принял «пластилинового мальчика» за себя. На это и был расчет. Булавку воткнули в пластилин, а не в твое сердце. У куклы вообще нет сердца, говорю тебе это как врач.

Лавров понимал, что выглядит идиотом в глазах Глории, но ничего уже нельзя было исправить.

– Значит, со мной все в порядке?

– В полном, – заверила она. – Хочешь, пойдешь сделай кардиограмму. Спорим, она будет как у космонавта.

– А что же я чувствовал? Меня скрутила жуткая боль!

– Психосоматическое явление...

– Чего?

– Боль сначала возникла у тебя вот здесь, – Глория постучала согнутым пальцем по его лбу. – А потом ты ее ощутил физически. Это воображаемое недомогание, которое, впрочем, может перейти в настоящее... если ты на нем зацikliшься.

– Не зациклюсь. У меня уже все прошло. А... что мне делать с куклой?

– Выбросить в мусорную корзину.

– Лучше сразу на помойку!

– Можно и так.

Лавров нервно заерзал в кресле. Он все еще боялся прикоснуться к «пластилиновому мальчику».

– Не верю! – Глория с улыбкой покачала головой. – Неужели ты не справишься с куском пластилина и портняжной булавкой?

– Справлюсь... – неуверенно промямлил он.

– Ладно. Давай я поеду с тобой и сделаю это сама.

Лавров окончательно расстроился. Меньше всего ему хотелось выглядеть перед этой женщиной трусом. Но... чертова кукла наводила на него суеверный ужас.

– Хочешь узнать, кто принес в твой кабинет «пластилинового мальчика»? – спросила она.

- Это возможно?
- Только в том случае, если ты перестанешь дрожать от страха.
- Я не дрожу...
- Возьми себя в руки, Рома. У тебя перестало болеть сердце?
- Да... но по дороге я едва не скончался...
- Боль породило твоё сознание, отравленное страхом. Ты ведь ничего не чувствовал, пока не увидел куклу. Так?
- Ну... – Лавров сдвинул брови от усердия, вспоминая, как все началось. – В общем, ты права...

* * *

Москва

Господин Морозов нервничал. Утром он никак не мог дозвониться до заказчика, с которым подписал договор на крупную поставку леса. День прошел сумбурно, бестолково. За ужином они повздорили с женой. Такого с ними давненько не случалось.

– Лера, сколько раз я тебя просил не пересаливать рыбу? – возмутился он, отодвигая тарелку.

Хозяйством у Морозовых занималась домработница, но приготовление пищи Валерия Михайловна не доверяла никому. Она бросила работу после рождения дочери и с тех пор жила интересами мужа и ненаглядной Лиленьки. Поэтому, даже озабоченная приготовлениями к свадьбе, не могла не заметить изменений в поведении и настроении супруга.

– Я положила мало соли, – ответила она, с тревогой вглядываясь в лицо мужа. – Ты не распробовал.

– Мне не хочется есть...

С этими словами он поднялся из-за стола, забыв поблагодарить жену, и зашагал через просторную кухню-столовую к лестнице, которая вела на второй этаж их двухъярусной квартиры. Сейчас он запрется у себя в комнате и просидит допоздна за ноутбуком или за бумагами.

Вообще он как-то внезапно осунулся, помрачнел, плохо спит... говорит невпопад. Что с ним? Кризис среднего возраста?

Ее неприятно поразило, что муж поставил на компьютер пароль. Валерия Михайловна редко пользовалась компьютером, но иногда заходила в Интернет, просматривала последние новости моды и кулинарные рецепты. А третьего дня с удивлением обнаружила, что ноутбук заблокирован.

У мужа ее безобидный вопрос вызвал неожиданную агрессию.

«У нас достаточно денег, чтобы каждый обзавелся собственным компом, – отрезал он. – Я много раз предлагал купить тебе ноутбук. Однако ты отказывалась».

«Я так редко им пользуюсь, что в этом нет необходимости...»

«Тогда не устраивай сцену!»

Валерия Михайловна обиженно поджала губы. Морозов бывал груб с нею в исключительных случаях. Может, у него неприятности с бизнесом?

«Что происходит, Коля?»

«Оставь меня в покое, – едва сдерживая готовую прорваться злость, процедил он. – Ноутбук нужен мне для работы. Понимаешь? Для развлечений купи себе свой. У тебя на карточке полно денег!»

«Коля! – изумленно вымолвила супруга, не узнавая обычно уравновешенного и корректного Морозова. – Ты хорошо себя чувствуешь?»

Это было последней каплей. Морозов взорвался и наговорил ей дерзостей. День они не разговаривали. Потом он остыл и извинился.

Теперь вот «пересоленная рыба» послужила поводом для размолвки.

«Что-то тут не так! – думала Валерия Михайловна, пробуя запеченного с овощами лосося. Тот оказался совершенно пресным на вкус. – Морозов в последние дни сам не свой. Из-за Лили переживает? Жених ему не нравится? Мог бы со мной поделиться своими сомнениями...»

С этими мыслями она встала и отправилась следом за мужем. Дверь в комнату, которая служила ему одновременно кабинетом и библиотекой, была закрыта. Валерия Михайловна, ужасаясь своему поступку, прильнула ухом к щели между лудкой и дверным полотном, и замерла.

Морозов с кем-то разговаривал по телефону. До сих пор у него не было от жены никаких секретов. Она догадывалась, что речь идет не о бизнесе...

ГЛАВА 7

Поселок Роцца

Марианна выглянула в окно. По вымощенной камнем дорожке к дому приближался следователь. Опять! Да когда же это кончится?

Было слышно, как кухарка открыла ему дверь и пригласила в гостиную.

– Вытрите ноги, пожалуйста, – попросила она.

Следователь потоптался по расстеленному у входа половичку.

Марианна заложила волосы за уши, мельком глянула на себя в зеркало и спустилась к нему на первый этаж. Ей даже не пришлось придавать себе скорбный вид, она и так выглядела не лучшим образом. Щеки совсем ввалились, под глазами черно, ключицы торчат. Обручальное кольцо сегодня слетело с ее пальца, и она решила наконец снять его. Навсегда.

– Здравствуйте, Марианна, – привстал с кресла следователь.

Он был среднего роста, полноватый, с круглым, обманчиво добродушным лицом. В его глазах пряталась хитринка. Он не верил ни одному слову вдовы погибшего.

Марианна молча кивнула и опустилась в кресло напротив, сложила руки на коленях. Он сразу обратил внимание на отсутствие кольца на ее пальце и пробормотал, будто бы сам себе:

– Ну да... ну да...

– Есть новости? – с опаской спросила она.

– Есть, есть... утешительные или нет, не берусь судить.

Марианна хотела предложить ему чаю или кофе, но передумала.

– У вашего мужа э-э... были проблемы со здоровьем?

– В каком смысле?

Она подумала, что следователя интересует, все ли в порядке было у Ветлугина с головой. Но тот имел в виду другое.

– В прямом, голубушка. Не жаловался ли он на боли в сердце? Он вообще лечился где-нибудь?

– Нет... насколько мне известно, – с недоумением ответила вдова. – А что?

– Покойный был уже не молод, позволю заметить. Что же, он ни разу не обращался к врачам?

– При мне ни разу...

– Странно, однако. Да-с!

– Не вижу в этом ничего странного, – вырвалось у Марианны. – Трифон следил за собой. Он не ел мяса, занимался йогой. По-вашему, люди обязательно должны болеть?

– Вот именно. Следил за собой... не пренебрегал физическими упражнениями...

– Не понимаю, к чему вы клоните.

– А к тому, голубушка, что у вашего мужа было слабое сердце. Вскрытие показало, что он умер от инфаркта...

Глаза Марианны сделались большими, и следователь увидел, какого они редкого василькового оттенка. Яркие, чистые. Очень красивые.

– Трифон не жаловался на сердце... – только и вымолвила она.

– Супруг был значительно старше вас. Какая у вас разница в возрасте, простите?

– Двадцать лет...

– Хм!

До нее, казалось, не сразу дошел смысл сказанного следователем. Или она искусно притворялась. *С такими глазами* ей легко обвести мужчину вокруг пальца.

– Как... от инфаркта? – запоздало среагировала вдова. – Вы что-то путаете...

– Я-то, может, и путаю. Чего не скажешь о патологоанатоме. У нас чрезвычайно опытный и квалифицированный судмедэксперт, – смакуя каждое слово, заявил следователь. – Вскрытие показало, что резать горло господину Ветлугину было э-э... совершенно излишне. Это уж вандализм какой-то! Надругательство над трупом. Его сначала довели до инфаркта, а потом – чик...

Он провел указательным пальцем по собственной шее. И, выдержав эффектную паузу, добавил:

– Это ж как надо ненавидеть человека!.. Впрочем, убийца мог не разбираться в медицинских тонкостях... и для верности решил перерезать лежащему Ветлугину артерию. Чтобы наверняка его прикончить. А сердечко-то уже перестало биться, потому и крови было меньше, чем обычно при такой ране...

– П-прекратите...

У Марианны потемнело в глазах, тело стало ватным и чуть не завалилось на бок. Усилием воли она заставила себя вцепиться руками в подлокотники кресла. Не хватало брякнуться в обморок перед этим мужланом.

Следователь заметил неладное и метнулся к графину с водой, который стоял на журнальном столике. Марианна едва шевелила губами.

– Это... водка... – выдавила она.

Ее мучитель сам унюхал пары спирта и растерянно застыл со стопкой в пухлых коротких пальцах.

– Водка? О, черт... Эй! – крикнул он в сторону двери. – Воды принесите! Скорее!

Его приказание, очевидно, относилось к кухарке. Голос разнесся по гулкому пространству первого этажа. Повторять не пришлось. Через минуту в гостиную влетела Клавдия со стаканом воды в руке.

– Ой, мамочка...

По-детски причитая, она склонилась над хозяйкой. Та сделала пару глотков и отвела от себя стакан.

– Не надо... мне уже лучше...

Клавдия оставила воду на столе и, сердито покосившись на следователя, удалилась. Но дверь в гостиную оставила приоткрытой. Из любопытства или по небрежности?

Следователь сел, ожидая, пока Ветлугина придет в себя. Неужели ее так огорчили подробности вскрытия? Еще бы! Если это она мужа прикончила... выходит, зря рисковала. Он бы и без ее помощи отдал Богу душу. Интересно, что его так испугало? Собственная супруга с серпом наперевес?

Эксперт установил, что рана погибшему была нанесена закругленным лезвием, похожим на серп или небольшую косу.

– У вас в хозяйстве есть серп или коса? – спросил он, когда на щеки вдовы вернулись краски.

– Весь садовый инвентарь у Бориса. Вы говорили с ним?

– Думаю, стоит еще раз побеседовать с вашим садовником. Что он за человек?

Марианна вяло пожала плечами:

– С ним больше муж общался.

– Он приходит к вам каждый день?

– Да. Летом у него много работы. Зимой меньше... расчистить снег, вымыть машину, навести порядок в гараже...

Ее раздражала непонятная дотошность следователя. Чего он прицепился? Подозревает Бориса? Зачем тому убивать хозяина, который ему щедро платил? Они отлично спелись. По

крайней мере Марианна не замечала, чтобы они повздорили или Ветлугин делал выговор садовнику. Казалось, они понимали друг друга с полуслова.

– Ладно, – вымолвил следователь, поправляя ворот свитера. – Занятно... Да-с!

Отсутствие орудия преступления осложняло его задачу. После вскрытия гибель Ветлугина уже нельзя было квалифицировать как убийство. Скорее это умышленное доведение до смерти... с последующим надругательством над трупом.

Доказать, что преступник просто не поверил в смерть жертвы и добил беспомощного человека, будет сложно. Опять же слово «добил» – спорное. Нельзя добить труп. Хороший адвокат сумеет обернуть это обстоятельство в пользу обвиняемого. Разумеется, если такового удастся посадить на скамью подсудимых.

В поисках «орудия убийства» оперативники везде заглядывали, в том числе и в сарай, где садовник хранил свои рабочие инструменты. Следов крови на них не обнаружили. Правда, серпа там не было. Коса точно имелась – большая, остро наточенная, с длинной ручкой. Однако нанести ею такой разрез, как на горле Ветлугина, не представлялось возможным. Слишком уж громоздкая и неуклюжая штукавина. Да и спрятать ее сложно. Особенно второпях.

Прочесывать же близлежащие окрестности криминалисты поленились. На это требовалась уйма времени и куча людей. Бегло пошарили по кустам вдоль тропинки, у которой лежало тело, на том и успокоились.

Так же бегло осмотрели дом. Что там могло быть? На первый взгляд, смерть Ветлугина выгодна одному человеку – его жене. Но она не настолько глупа, чтобы принести улику домой. Оперативники прошлись по комнатам и подсобным помещениям, ничего существенного не нашли. Зато немало удивились.

Одна из комнат на втором этаже, примыкающая к спальне, поразила их воображение.

– Вы часто занимались сексом со своим мужем? – спросил следователь.

Вдова, не поднимая глаз, качнула головой.

– Какое это имеет отношение к делу?

– Может статься, имеет.

– Что значит часто, по-вашему? – блеснула она синевой из-под ресниц. – Каждый день?

– Ну, допустим...

– Нет. После сорока мужчины не так активны.

– У покойного были проблемы с сердцем, – напомнил следователь.

– С чего вы взяли?

– Здорового человека не просто довести до инфаркта.

– Полагаю, да.

– Однако же если в возрасте господина Ветлугина злоупотреблять сексом...

– На что вы намекаете? – вспыхнула Марианна.

– Он принимал какие-нибудь э-э... специальные средства?

Вдова молча закусил губу и смотрела в окно на мокрую после дождя черемуху. Запах черемухи, свежий, с горчинкой, проникал через приоткрытые рамы в эту унылую гостиную в черно-белых тонах.

– Я задаю нескромные вопросы, – сказал следователь. – Такова моя работа. Вы отказываетесь мне помочь?

– Да, иногда он принимал...

– Возбуждающие препараты?

Она кивнула, не разжимая губ.

– Это могло отразиться на его здоровье.

– Он прибегал к этому только изредка. Я уже говорила, он следил за собой. Ел вегетарианскую пищу, каждый день ходил на прогулки.

– Именно по той тропинке, где его...

– Да, – кивнула Марианна.

– Чего он мог испугаться до смерти? Как вы думаете?

– Понятия не имею...

– А что за комната примыкает к вашей спальне? – следователь показал пальцем на потолок, с которого свешивалась дорогушая люстра с лампочками, имитирующими свечи. – Там полно всяких э-э... пикантных приспособлений...

Марианна потупилась и не проронила ни слова. От нее он не дожидается интимных признаний.

– Кто из вас грешил э-э... подобными наклонностями? Вы? Или покойный?

Женщина продолжала молчать. В ее васильковых глазах закипали слезы. Ветлугин умер, а ее теперь вынуждают выворачивать душу наизнанку...

– У вашего мужа были враги?

– Я даже не знаю, были ли у него друзья. Мы вели уединенную жизнь. Он ни с кем меня не знакомил.

– Вас не удивляло, что Ветлугин не работает, не занимается бизнесом... и тем не менее живет припеваючи, – следователь обвел выразительным взглядом итальянскую мебель, картины на стенах. – Вы не интересовались источником его доходов?

– Я не смела. Как-то он обмолвился, что получил наследство. Хотя я его ни о чем не спрашивала.

– У него были богатые родители?

– Не знаю. Я не видела никого из его родственников. Оказалось, что их просто нет.

– Благодаря чему вы – единственная наследница...

* * *

Черный Лог

Лавров повеселел. Боль в сердце прошла, дурнота отступила. Он за обе щеки уплетал приготовленную Сантой картошку и поджаристые, с корочкой, котлеты с грибной начинкой.

– Грибами-то я у соседа разжился, – хвалился великан. – У деда Василия. Он всю осень в лесу пропадал, засушил, насолил и белых, и маслят, и лисичек. Запасливый мужик. И цену не ломает.

– Очень вкусно, – искренне восхищался начальник охраны.

Глория молча пила чай, размышляя о предстоящем разговоре. Морозов дал добро на привлечение к его делу помощника. А им, естественно, будет Роман. Главное – посвятить его в суть вопроса... и не сказать ничего лишнего.

«Лишним» Глория считала свои догадки и домыслы. То, что Марианна Ветлугина – родная дочь Морозова, не вызывало у нее сомнений. Зато по поводу убийства у нее такой ясности не было. За кончиной неизвестного господина Ветлугина скрывалось нечто большее, чем семейная драма. Да и смерть ему выпала какая-то *двойная*. Одна от страха, вторая – от железа. Разве люди умирают дважды?

«Но это ведь не Марианна его... – Морозов не смог вымолвить «убила» и замаялся. – Скажите, что не она!»

Как объяснишь человеку то, что самой не совсем понятно? Глория не стала обнадеживать посетителя. Хотя он обещал удвоить ее гонорар, она отказалась от рискованных предположений. Подозрение в убийстве требует доказательств, обоснований. Ее видения таковыми не являются. Нужны серьезные улики, а их нет. Одними «пророчествами» тут не обойдешься.

Вчера среди бумаг бывшего хозяина дома ей попало изречение, обведенное двойной рамкой красного цвета. Оно принадлежало знаменитому старцу Авелю⁶.

Отвечая одной весьма знатной даме на просьбу открыть будущее, сей монах отвечал, «что он-де не провидец, и что он токмо тогда предсказывает, когда вдохновенно было велено ему что говорить». В своих записках Авель недвусмысленно заявляет: «Сказано, ежели монах Авель станет пророчествовать вслух людям... то брать тех людей под секрет и самого Авеля, и держать их в тюрьмах или в острогах под крепкою стражею... Я согласился ныне лучше ничего не знать, да быть на воле, нежели знать, да быть в тюрьмах и под неволею».

Это высказывание покойный Агафон не зря обвел красным маркером. Рамка успела выцвести, но сами слова заставили Глорию крепко задуматься. Видимо, для Агафона они тоже были предметом размышлений. Листок с записью выглядел затертым, – похоже, карлик часто к нему обращался.

Глория сделала вывод, что следует быть осторожной в словах. И если существует малейшая неуверенность или колебания, то лучше промолчать, нежели ввести кого-либо в опасное заблуждение. Опасное не только для клиента, но и для самого «прорицателя».

– Проселок не скоро просохнет, – бубнил великан, убирая посуду. – Обратно ехать на «опеле» нельзя. Опять застрянете.

– Знаю, что нельзя, – кивнул разморенный сытостью Лавров. – А как быть-то? Я на работе. Колбин уже наверняка рвет и мечет, что меня нет. Звонит, а связь тью-тью.

– Мы тебя отвезем в Москву, – сказала вдруг Глория, которая казалась занятой своими мыслями. – Да, Санта? «Аутлендер» одолеет мокрую грунтовку?

– Если аккуратно ехать, одолеет, – пророкотал слуга.

– Заодно я хочу поговорить с Колбиным.

– О чем?

– Попрошу, чтобы он дал тебе неделю отпуска, Рома. Ты мне нужен.

Начальник охраны растерянно поднял на нее глаза, не веря своему счастью. Если он ей нужен, зачем ехать в Москву?

– Не для того, что ты подумал!

Она безжалостно спустила его с небес на землю. Санта с ехидной улыбочкой отправился в кухню мыть тарелки. Было слышно, как звенят приборы и шумит вода.

Лавров молчал, комкая в руках салфетку. Вот так всегда... поманит и обманет. А он даже разозлиться на нее толком не может. Проглотил обиду и сидит, ждет дальнейших указаний.

– Твои услуги будут хорошо оплачены, – улыбнулась Глория. – У нас – новый клиент. Господин Морозов. Сделал деньги на торговле лесом. Слышал о таком? Если нет, придется навести справки.

– И что ему нужно от тебя?

– Его дочь подозревают в убийстве собственного мужа.

Лавров присвистнул, что вызвало недовольство Глории. Свистеть в доме – дурной тон.

– Дело усугубляется тем, что Морозов не знал о существовании старшей дочери, – пояснила она. – У него сейчас другая семья. В общем, он хочет избежать огласки... и в то же время помочь дочери выпутаться. Родная кровь, как-никак.

– От первого брака дочь?

– От первой любви...

И Глория рассказала Лаврову об этом все, что сочла необходимым.

⁶ Авель (1758? – 1841) – монах, «русский Нострадамус», окончивший свои дни в суздальском Спасо-Евфимиевском монастыре, где и похоронен.

– Я хочу отправить тебя в Рощу, где живет вдова Ветлугина... чтобы ты проследил за ней. И за всеми остальными обитателями дома. На это понадобится время.

– Только проследил?

– И отыскал в окрестном лесу предмет, похожий на косу...

– Следственная бригада небось уже все прочесала.

– Теперь наша очередь, – усмехнулась Глория. – Вернее, твоя.

– Бесполезно искать, – покачал головой Лавров. – Это я тебе как бывший опер говорю. Если бы там что-то было, давно бы нашли.

– Я так не думаю...

ГЛАВА 8

Жена Морозова ехала по городу на своей серой «тойоте-камри».

Она нервничала, ее шея затекла, ладони взмокли, и Валерия Михайловна то и дело вытирала руки бумажной салфеткой. Несколько раз ей сигналили возмущенные водители, дважды она чуть не проехала на красный... словом, госпожа Морозова извелась, пока добралась до Академической, где располагался центральный офис компании «ИнтерЛес».

На парковке она с трудом втиснулась между темным «мини-вэном» и белой «ауди». С этого места ей был виден вход в здание. Она надеялась, что не пропустит момента, когда ее муж выйдет садиться в машину.

Впервые за все годы их брака Валерия Михайловна решила проследить за ним. Раньше он не давал ей повода для ревности. Но в последние дни поведение Морозова показалось ей настолько странным, что она отважилась на слежку.

Прошел час, минул второй. Валерия Михайловна вспомнила, что не успела позавтракать. Сначала у нее не было аппетита, а потом она слишком торопилась. Возможно, она напрасно теряет время, но мерить шагами квартиру и ломать себе голову, что творится с мужем, было невыносимо.

Неужели у Морозова – любовница? Этот вопрос мучил ее днем и лишал сна ночью. Николай как раз достиг опасного возраста, некоего переходного рубежа. В пятьдесят у мужчин начинается ломка: они осознают, что не за горами старость, а они еще не все испробовали, не все испытали. Дают о себе знать болезни, посещают мысли о смерти. Хочется урвать у жизни последние радости, отпраздновать последний пышный банкет, а там... будь что будет.

Валерия Михайловна могла представить последствия подобного душевного кризиса. Должно быть, чаша сия не миновала ее мужа. С его деньгами и положением в обществе он может многое себе позволить. В том числе и молодую страстную женщину, которая скрасит его увядание. Подарит ему незабываемые мгновения любви, новизну ощущений и сладость запретного наслаждения.

Время близилось к обеду, и госпожа Морозова все сильнее чувствовала голод. Желудок ныл, разболелась голова. Ее возраст тоже имеет свои особенности, далеко не радужные. Красота блекнет, здоровье пошаливает, нервы сдают. А тут еще муж, того и гляди, загуляет. Накануне свадьбы единственной дочери!

Валерия Михайловна знала, как ее супруг мечтал о втором ребенке, но не смогла больше родить. Морозов никогда не упрекал ее, однако она сама подспудно испытывала чувство вины. И вот... у мужа появился повод отыграться. Что, если молодая любовница вздумает родить и тем самым привязать к себе стареющего «папика»? Так, кажется, называют эти юные хищницы пожилых бизнесменов.

От горьких мыслей у Валерии Михайловны голова просто раскалывалась. Она подумала, что если муж поедет к своей пассии, она не сумеет проследить за ним. Он может узнать ее авто. А если приотстать, она его потеряет.

Лучше уж взять такси. Заплатить водителю, сколько скажет, и не спускать глаз с черного внедорожника Морозова.

Так она и сделала.

Таксист согласился выполнять ее указания за ту сумму, которую она вручила ему в качестве аванса.

– Остальное потом, – пообещала она. – Не подведи. Не обижу.

– Че, следить за кем-то будем? – вяло осведомился тот.

– Да, следить.

– Ладно... курить-то можно?

Получив добро, парень раскурил сигарету и пускал дым в открытое окно. Пассажирка устроилась на заднем сиденье.

Солнце пригревало. От мокрого асфальта поднимался парок. По краям луж белела сбитая ночным дождем пыльца. Прохожих становилось все больше. Время приближалось к обеду.

Вдруг на ступеньках фешенебельного здания появился Морозов. Он был без водителя – один. Значит, собирается ехать по личному делу. Валерия Михайловна заволновалась.

– Давай... гони вон за тем «мерседесом», – сказала она таксисту. – Гляди, не потеряй.

Парень щелчком выбросил окурок и включил зажигание. Он насмешливо покосился на пассажирку. Переживает... По всему видать, дамочка из богатых. Пальцы в перстнях, куртка стильная, и кошелек из крокодиловой кожи. Платит не скупясь. Отчего же не помочь?

– Кто в «мерседесе»? Муж ваш? – полюбопытствовал он.

– Муж, – не стала отпираться пассажирка.

– Тогда ясно...

Что ему ясно, парень объяснять не стал, а Морозова уточнять не собиралась. И так неловко.

«До чего я дошла? – сокрушалась она, вглядываясь в мелькающий впереди внедорожник. – Если застукаю Морозова с любовницей, как быть-то? Закатить скандал? Вцепиться сопернице в волосы? Глупо... стыдно. Эх, Коля, Коля! Не ожидала я от тебя такого!»

Парень включил радио. Из динамика полился голос Кадышевой: «Напилася я пьяна-а-аа...»

«Напиться, что ли? – подумала Валерия Михайловна. – Напиться и забыться...»

Тем временем черный внедорожник притормозил у кафе с вульгарным названием «Попугай». Морозов вышел, оглянулся, и его жена невольно пригнулась.

– Он вас не видит, – сочувственно произнес таксист.

Морозов скрылся за дверями кафе. Валерия Михайловна судорожно стиснула в руках сумочку. Ей было до слез обидно. Неужели ее подозрения имеют под собой почву? Она еще надеялась, что все обернется какой-нибудь безделицей. И она сама посмеется над своими фантазиями.

Таксист припарковался чуть поодаль и повернулся к пассажирке с вопросом:

– Че будем делать? Ждать?

– Ждать? Нет... Я пойду... взгляну, что ему там нужно...

Она поспешно достала из сумки косынку, темные очки, яркую помаду и через минуту преобразилась.

– Стой здесь, пока я не выйду, – бросила она парню.

– Сколько стоять-то?

– Сколько потребуется. Час, два... я заплачу.

Тот согласно кивнул и полез за сигаретами...

В зале «Попугая» пахло дрожжевым тестом. Почти все столики были заняты. Официантки, такие же сдобные и румяные, как пирожки, которые они разносили посетителям, сновали с подносами туда и обратно.

Госпожа Морозова присела на свободный стул в углу у большой клетки с чучелами птиц и заказала себе бульон с сухариками. За столиком, кроме нее, сидели две женщины-служанки, которые уже доедали свой обед. Они косились на ее перстни и переглядывались.

Валерия Михайловна сделала вид, что ищет в сумочке зеркальце, и убрала руки со стола. Клетка загораживала ей обзор, но и скрывала ее от любопытных глаз.

Соседки по столу расплатились по счету и ушли. Морозова смогла наконец отыскать среди разношерстной публики своего благоверного. Он сидел напротив... дамы не первой молодости, безвкусно одетой в ширпотребовские тряпки. В этом-то Валерия Михайловна разбиралась. На любовницу Морозова дама явно не тянула. Да и встречу в таком третьесортном заведении могла назначить только женщина определенного круга.

– Ваш заказ! – громко произнесла официантка.

Валерия Михайловна вздрогнула, как будто не ожидала, что ей принесут заказанное блюдо.

Она нерешительно взяла ложку и попробовала горячую жидкость с кружочками плавающего жира. Бульон оказался недосолённым и безвкусным. Если бы не голод, Морозова ни за что не стала бы есть эту гадость. Однако надо было перекусить, чтобы успокоить пустой желудок.

Муж и его дама оживленно беседовали. Не стоило даже пытаться уловить о чем. Слишком далеко. Официантка в пестром передничке принесла им бутылку шампанского.

Морозов открыл, налил в бокалы себе и своей визави. Он всегда отличался галантностью. Этим и покорила когда-то утонченную филологичку Леру. Она изучала зарубежную литературу, а Коля – финансы.

«Что их связывает? – гадала она, глотая бульон. – И почему Морозов скрывает эту связь?»

Не дожидаясь окончания свидания, Валерия Михайловна оставила на скатерти деньги и вернулась в такси.

– Дождался? Спасибо... – с этими словами она протянула водителю обещанную плату.

– Ну че? –дохнул на нее табаком таксист. – Поедем? Или еще постоим?

– Постоим...

– Хозяин – барин!

Как она и предполагала, Морозов и его дама вышли из кафе порознь. Сначала он.

– За ним? – потянулся к ключу зажигания водитель такси.

– Нет... погоди...

– Чего годить-то? Умчится, не догоним. Потеряем, как пить дать.

Тут дверь «Попугая» открылась, и на пороге показалась загадочная незнакомка. Весьма непрезентабельного вида. Она, не оглядываясь, зашагала по улице в сторону метро.

– За ней, – махнула рукой Морозова.

– Понял...

* * *

Колбин встретил начальника охраны с каменным лицом. Когда следом вошла Глория, его лицо, и без того длинное, вытянулось еще больше.

– Чем обязаны высочайшему визиту? – притворно улыбнулся он.

– У меня к тебе дело, Петр, – отрывисто произнесла она. – Надеюсь, нам удастся прийти к согласию.

Глава компании приосанился, обдавая Лаврова негодующим взглядом, в котором читалась угроза: «Мы с тобой потом поговорим! Прогульщик!»

Они разошлись по кабинетам. Колбин, рассыпаясь в любезностях, повел Глорию к себе, а начальник охраны зашагал к себе.

Повернув ключ в замке, он с некоторым трепетом скользнул в кабинет. «Пластилинный мальчик», пронзенный стальной булавкой, все так же стоял на полке. Лавров затаил дыхание и прислушался к своим ощущениям. В груди шевельнулся страх.

– Черт бы тебя побрал! – проворчал он и, преодолевая дрожь в коленках, двинулся к кукле. – Ты все еще здесь? Твое место – в мусорной корзине, дружок!

Подбадривая себя возмущенными возгласами, Лавров схватил «мальчика», вытащил из него булавку, смял и кинул в пустую пластиковую корзину. Булавка отправилась туда же. Бесформенный кусок пластилина вызвал у него неожиданную жалость.

– Поделом тебе... – буркнул начальник охраны, подавляя минутную слабость.

Что-то внутри него дрогнуло. Он скомкал пару листов бумаги и прикрыл ими останки куклы.

– Порядок. Никто тебя не увидит.

Изуродованная кукла безмолвно лежала в корзине. Но Лавров никак не мог успокоиться. Наконец он не выдержал, взял корзину и отправился на задний двор, к мусорному баку. Пластилин с глухим стуком упал вниз, и Лавров поймал себя на приступе раскаяния.

– Что за хрень! – вырвалось у него.

Глория была права, когда заявила, что он позволил «пластилиновому мальчику» войти в свое сознание, хуже того – отождествил себя с ним. И теперь ему кажется, что он выбросил в мусорку частичку себя. А это грустно... очень грустно.

Он тряхнул головой, отгоняя тягостное чувство вины. Перед кем? Вернее, перед чем? Перед куском пластилина!..

– Вот, блин, попал...

На обратном пути он с трудом заставил себя не оглядываться. По мере того как он удалялся от мусорного бака, ему легчало. Словно толстый канат, который связывал его с «мальчиком», превратился сначала в тонкую ниточку, потом в паутинку... а потом и вовсе порвался.

– Фу-у-уххх!.. – выдохнул начальник охраны, прибавляя шаг. – Ну и дела...

Он расправил плечи и набрал полную грудь свежего воздуха. На ум невольно пришли слова Глории: «Хочешь узнать, кто принес куклу?»

Разумеется, он хотел. Каким-то образом он нажил себе в офисе врага. А врага всегда лучше знать в лицо.

«Если сможешь избавиться от страха, заклятие вернется к тому, кто его наслал...»

Лавров уже не отмахивался от ее поучений, не посмеивался. Ему стало не до шуток, когда он корчился от боли в сердце, потел и не мог справиться с дрожью в теле.

«Это происки дилетанта, – успокаивала его Глория. – Грубая работа. Выброси куклу и внимательно следи за окружающими. заметишь симптомы, похожие на те, что были у тебя... они и укажут на злоумышленника».

«Ты не догадываешься, кто он?»

«Я не хочу быть голословной. Сам увидишь...»

И Лавров увидел. Быстрее, чем рассчитывал. В коридоре его чуть не сбила с ног секретарша Колбина. Она была так взволнована, что не удивилась пластиковой корзине в его руках. Обычно мусор выбрасывает уборщица, а тут...

– Петру Ильичу плохо! – пискнула девушка. – Надо вызвать «скорую»!

– Что с ним?

– Сердце... там у него Глория Артуровна... они говорили на повышенных тонах, потом его скрутило... Я бегу за таблетками! Глория Артуровна велела принести валидол из аптечки...

Она заторопилась в подсобку, ковыляя на высоченных шпильках.

– Эх, Петр Ильич! Нехорошо. Не по-мужски... – покачал головой Лавров, глядя ей вслед. – Нечестный прием. Подлый.

Со «скорой» можно было не спешить. Он по своему опыту знал, что ничего непоправимого с Колбиным не произойдет. Но испуг и паника главе компании обеспечены. Что ж, *не рой другому яму...*

ГЛАВА 9

Поселок Роща

Марианна прошлась по двору, любуясь закатом. Верхушки берез за забором порозовели, над ними вышла первая вечерняя звездочка. Из леса доносился запах сосновой коры и трав. Где-то в конце улицы брехали собаки.

Ветлугин был категорически против собак. Марианна как-то заикнулась, что неплохо бы завести сторожевого пса, но встретила неожиданно резкий отпор.

«Как ты себе это представляешь? – накинулся он на Марианну. – Всюду в воздухе носится собачья шерсть! Ночью уснуть невозможно из-за лая. А садовник только тем и занимается, что закапывает вырытые псиной ямы и поправляет испорченные клумбы. Собака все цветы переломает, все грядки испоганит!»

«Пса можно будет держать в вольере, – робко возражала она. – И выпускать побегать под присмотром. Или водить в лес».

«Кто станет с ним возиться? Я не хочу. А Борису и без собаки забот хватает!»

Марианна хотела сказать, что сама позаботится о собаке, но передумала. В конце концов, это усадьба мужа, он здесь хозяин. Вряд ли Ветлугин посчитается с ее мнением.

«У нас нет ни охраны, ни камер наблюдения, – все же сказала она. – Рядом лес. Соседи далеко. Случись что, нам никто не поможет».

Улица Тенистая, примыкающая к лесу, полюбилась зажиточным москвичам. Они приобретали большие участки и строили тут загородные дома, окруженные деревьями. «Поместья» обносили высокими заборами, нанимали сторожа и заводили парочку злобных псов. Постоянных жителей было раз, два и обчелся. Свои дома хозяева посещали наездами, в основном в теплое время года. Зимой или в распутицу улица пустела и казалась безлюдной. В сущности, так и было.

«Ты воров боишься, дорогая? – криво усмехался Ветлугин. – Зря. Красть у нас нечего. Деньги я держу в банке, а вещей не жалко. Стащат, новые купим».

Вот и весь сказ.

Однажды во двор Ветлугиных через открытую заднюю калитку случайно забежала лохматая дворняжка.

Марианна хотела вынести ей отходы от обеда, но собачка повела себя очень странно: завyla, юркнула в сарай и забилась в угол. Садовнику пришлось на руках выносить ее за забор.

«Видишь? – посмеивался муж. – Собаки у нас жить не будут. Им здесь не нравится. Они порядка не любят».

Марианне это почему-то показалось плохим предзнаменованием. Она жила словно в ожидании беды.

По ночам она лежала, прислушиваясь к ветру за окнами, к шорохам и потрескиваниям в комнатах, к странным звукам в дымоходе.

Теперь, оставшись одна, она опасалась, что по дому будет бродить тень покойного мужа, его неприкаянная душа. Как ни крути, а умер он не своей смертью.

Организацией похорон занимался адвокат Ветлугина. Печальная церемония прошла для Марианны как в полусне. Ей что-то говорили, она что-то послушно делала...

Когда дорогой лакированный гроб опускали в яму, один из рабочих оступился, отпустил веревку, и гроб накренился, нырнул вниз и со стуком упал на дно могилы. Горстка присутствующих с возгласами ужаса попятилась, Марианне стало дурно.

Она пришла в себя в машине адвоката, который нервно откупоривал пузырек с нашатырем. К счастью, нашатырь не понадобился. Вдова очнулась, отдышалась и спросила, скоро ли все закончится...

Ее мама стояла рядом с машиной, заглядывала внутрь и качала головой в черном платке.

«Не думала, что придется зятя хоронить, – сказала она адвокату. – Жалко дочку. Не везет нам с семейной жизнью...»

«Крепитесь, – с притворной скорбью отвечал тот. – На все Божья воля».

На поминках мать уговаривала Марианну съесть хоть что-нибудь. Но та не могла проглотить ни кусочка. В горле образовался комок, а в ушах все еще стоял стук падающего гроба.

«Это плохой знак... – прошептал кто-то из присутствующих. – Когда гроб падает...»

Продолжения фразы Марианна не расслышала. Помешала мать, которая забормотала ей на ухо, что надо выпить водки «за упокой души усопшего» и поплакать.

«Поплачь, Мариша... слезы-то, они горе смоят...»

Марианна поднесла к губам рюмку, с трудом глотнула и закашлялась. Мать подала ей воды с плавающей долькой лимона...

После поминок вернулись домой в машине адвоката.

«Заночевать с тобой?» – предложила Антонида Витальевна дочери.

Марианна отказалась.

«Спасибо, ма... не надо. Я должна привыкать жить одна».

Просидели дотемна в роскошной кухне-столовой, выслушали адвоката. Он растолковал женщинам подробности прав наследования. Оказалось, что Марианна богата. Все, что принадлежало Ветлугину, достанется ей. «Если не возникнет препятствий», – оговорился юрист. Но не добавил, что он имеет в виду.

Она и не подозревала, сколько денег было у ее мужа.

Адвокат вел себя нейтрально. Ни о чем вдову не спрашивал, ни на что не намекал. Только один раз Марианна поймала на себе его пристальный взгляд, который, впрочем, он тут же отвел... и заговорил о пустяках. Что весна нынче ранняя, что черемуха отцвела...

С этими воспоминаниями Марианна прошла по саду, утопающему в малиновых сумерках. Между деревьями чернели ямки. Это садовник выкапывал прорастающие дикие кустики и многолетние сорняки. Трава после дождя поднялась, набралась соку.

Марианна постояла, вдыхая аромат вишневых деревьев и борясь с желанием выйти за забор, на ту самую тропинку, где нашел свою смерть Ветлугин. В конце сада была калитка, через которую он отправлялся на ежедневные прогулки.

Марианна не могла отделаться от ощущения, что за ней кто-то наблюдает. Наверное, у нее нервы разыгрались. Днем она гуляла по лесу, и ей почудилось то же самое. Будто кто-то прячется в кустах, скользит между деревьями. Страх заставил ее вернуться домой.

«Уж не садовник ли следил за мной? Где он, кстати?»

Она направилась к сараю, где Борис хранил лопаты, грабли и прочие орудия труда. У входа приткнулась тачка с обрезанными ветками и мусором.

Из сарая раздавался неприятный звук – чирк-чирк... вжик-вжик... чирк...

Марианна, стараясь ступать неслышно, подкралась к двери и заглянула внутрь. Садовник точил косу. Одной рукой он держал ее за древко, – острым концом лезвие упиралось в пол, – а другой рукой водил бруском по режущему краю косы.

Вжик-вжик... чирк... вжик...

Марианну затошнило. Она нащупала в кармане ветровки короткий кухонный нож, которым кухарка чистила овощи, и затаилась. Она не знала, чего или кого ей бояться. И потому боялась всего и всех.

Садовник почувствовал ее взгляд и медленно повернул голову...

* * *

– Ох, как вы меня испугали!

Брусок, которым он точил косу, выпал из его грязных пальцев.

Марианна не сводила с него глаз, содрогаясь от ужаса и отвращения. Чем этот человек отталкивал ее? Они с Ветлугиным – два сапога пара. Недаром покойный поручал Борису наблюдать за женой. А она считала садовника чуть ли не своим тюремщиком. Во всяком случае, он бы ни за что не выпустил ее из «усадыбы» в отсутствие мужа. Правда, она не собиралась бежать... но Борис-то об этом не знал и, как верный пес, служил хозяину.

На похоронах он бродил вокруг да около с видом побитой собаки, плелся в хвосте процессии да зыркал исподлобья по сторонам. Когда гроб с телом хозяина упал в яму, Бориса перекосило, и он торопливо, неумело перекрестился. Это было последнее, что видела Марианна перед тем, как лишиться чувств.

– Что это за мусор в тачке? – не узнавая своего голоса, спросила она. Надо же ей было как-то объяснить садовнику свое появление.

– Я сейчас же вывезу...

– Зачем ты следишь за мной, Борис? – вырвалось у нее.

– Я не слежу... – растерялся он. – Как можно? Мое дело в саду копаться, поддерживать чистоту на участке. Я мусор подметаю, траву сегодня посеял. Плохо растет трава...

Марианна молча смотрела на его слегка сутулые развитые плечи, короткую шею и сильные волосатые руки. Такой «горилле» человека убить – раз плюнуть. Тем более женщину. Ей бы уволить шпиона ветлугинского к чертовой матери, а она почему-то не решается. Словно без Бориса в этой сумрачной картине жизни будет чего-то не доставать.

Порой какая-нибудь незначительная деталь способна изменить ход вещей. Марианна интуитивно чувствовала: нельзя ничего менять. Пусть все идет, как идет. Иногда стоит довериться судьбе.

– Может, ты не хочешь работать у меня?

– Что вы, хозяйка! – взмолился Борис. – Не увольняйте! Куда я без вас? Я уже привык к этому саду, каждое деревце моими руками посажено, каждый кустик!

– Здесь много богатых домов. Думаю, тебя с удовольствием возьмут. Хочешь, я рекомендацию дам?

– Не прогоняйте меня... Я ведь мастер на все руки. Где что починить, наладить, за машиной приглядеть. Без мужика в хозяйстве никак не обойтись.

– Я машину не вожу, – усмехнулась Марианна. – У меня даже прав нет. Раньше меня муж возил, а теперь вот некому.

– Шофера наймите. Без машины за городом, как без рук.

Она сама это понимала. Подумывала и о том, как быть с машиной, и о водителе, и об одиноких ночах в пустом доме на краю леса. В принципе она могла бы переехать к матери на время, пока все утрясется. Но не торопилась покидать мужнину вотчину.

– Вы были дружны с Трифоном, кажется...

– Гусь лебедю не товарищ, – потупился садовник. – Хозяева со слугами дружбы не водят.

Его нарочитое смирение не обмануло Марианну. Она хорошо помнила, как Борис ходил за ней по пятам, буравил колючим взглядом. А от его щербатой ухмылки у нее мороз шел по коже. Это он прикидывается покорным и несчастным. Чтобы вызвать у нее жалость и позволить провести себя. На что он надеется?

– Хотите, я в сарай перейду ночевать? – предложил вдруг садовник. – Вам спокойней будет. И мне хорошо. Чуть свет вставать не надо, пешком топать. Ваши соседи, почитай, все сторожей держат.

Борис жил неподалеку, на другой улице, – снимал комнату у одинокого старика. Платил копейки, но старик и тому был рад.

«Он же не здешний! – осенило Марианну. – Как я раньше не догадывалась! Откуда его принесло в подмосковный поселок?»

– В сарае холодно, – сказала она, обдумывая сие обстоятельство.

– Так я печурку разожгу. Буржуйку, – не унимался садовник. – Я и дровец припас.

– Дрова – для камина.

– Само собой. Я много припас. И для камина хватит, и для печурки. В лесу сучьев, валежника хоть отбавляй.

– Я подумаю, – уклонилась от ответа Марианна. – Ты ведь жалованье потребуешь прибавить. За сторожа.

– Не потребую! Мне прежнего хватит. Тратить-то здесь некуда...

Мысль о том, что Борис останется на ночь в сарае и сможет без помех разгуливать по двору, пугала Марианну. С другой стороны, что ему стоит ночью, когда все уснут, перемахнуть через забор и делать то же самое? Ему-то отлично известно, что ни собакой, ни видеокамерами Ветлугин не обзавелся.

– Откуда ты родом, Борис?

Тот не сумел скрыть замешательства.

– Родом-то? Русский я... коренной сибиряк.

– Чего ж ты Сибирь свою оставил?

– Бобыль я, семьи нет, – невнятно бубнил садовник. – Решил в Москву податься, поглядеть, как люди живут. Грузчиком работал на станции, потом меня Трифон Авдеич к себе взял...

– И где вы с ним познакомились? На разгрузке вагонов?

Борис машинально кивнул и тут же спохватился, поправился:

– На бирже. Я другую работу искал, полегче... Спину себе сорвал. Мешки покидаешь с утра до ночи, потом хоть волком вой.

Марианна заподозрила наглую ложь. Ветлугин – и биржа? Не пляшет. Не таким человеком был ее муж, чтобы подыскивать себе помощников по хозяйству среди незнакомцев. Тем более на городской бирже.

К Клавдии, прежде чем взять ее в дом кухаркой, Ветлугин долго присматривался, даже побывал у нее в гостях. С родней побеседовал, с соседями по улице. Чуть ли не всю подноготную выведал. Он сам хвалился перед женой, как тщательно подходит к найму прислуги. А тут на тебе! Биржа...

– Значит, Трифон тебя на бирже нашел? И предложил стать садовником?

– Так и было, – смущенно подтвердил Борис.

Понял, что дал маху. Но обратно уже не отыграешь. Проехали.

– Ладно... трудись пока, – бросила Марианна, повернулась и зашагала к дому. – Работай...

ГЛАВА 10

Италия, город Генуя. Осень 1927 года

Ее тело, влажное от любовного пота, змеей соскользнуло на смятые простыни.

– С каждым разом это все слаще, – прошептала она, раскидываясь и совершенно не стесняясь своей наготы. – Ты меня удивляешь, Пьер!

«Я еще не достиг своей лучшей формы, детка, – успокаивая дыхание, подумал он. – Длительные перерывы сказываются на моих мужских способностях. Однако еще никто не заводил меня так, как ты! Я наверстаю упущенное, не сомневайся...»

Она молча лежала, глядя в потолок. Лунный луч ласкал ее восхитительные выпуклости и очаровательные впадинки. Росси не ошибся. Она была француженкой до мозга костей. От нее пахло парижскими духами, а ее платья были сшиты по последней моде. Что она делает в Италии? Живет замкнуто, нигде не появляется. А между тем она могла бы украсить своей внешностью и манерами любую светскую вечеринку.

Росси поймал себя на том, что хотел бы более длительных отношений, чем обычно. Женщины занимали в его жизни подобающее им место. Он ухаживал за ними либо по жгучей страсти, либо по долгу службы. Служба – так он предпочитал называть свое занятие.

Удовлетворив желание, он обрывал короткие интрижки и больше не вспоминал о бедняжках, которым успел вскружить голову. Он был молод, хорош собой, обеспечен и обожал приключения. Одно и то же быстро надоедало ему. Эта черта характера определила его судьбу.

Склонность к рискованным авантюрам соперничала в нем со страстью к изящным, утонченным женщинам. Изысканность и шарм он порой предпочитал канонам красоты. В нынешней его пассивности роковым образом соединилось и то, и другое. Клод была красавицей, кроме того, отличалась отменным вкусом и элегантностью. Жаль, что этого некому оценить.

«Ты от кого-нибудь прячешься?» – однажды спросил он.

«От самой себя...»

Обычная женская хитрость. Ответить, не отвечая. Ее загадочное молчание сводило его с ума. Спать с тайной так романтично, так необыкновенно! Клод была пропитана тайной от макушки до кончиков ногтей. Она излучала тайну... и Росси полетел на этот опасный огонь. Глупый, дерзкий мотылек!

«Ах, Пьер... – вздыхала Клод. – Давай не будем задавать друг другу вопросов. Какая тебе разница, кто я? Нам хорошо вдвоем, и это главное. Я ведь не спрашиваю, зачем ты следишь за мной...»

Она попала в точку. Росси нахмурился, подбирая подходящее оправдание. Как она заметила? Он старался быть осторожным.

«Я ревную, – заявил он. – Это правда, Клод. Может, у тебя есть старый и очень богатый муж, от которого ты сбежала. Или знатный, влиятельный покровитель. Откуда мне знать?»

«Я не содержанка...» – без тени обиды возразила она.

По утрам камеристка приносила им в спальню шампанское и виноград. Росси слегка корбило, что она запросто входила, когда они еще валялись в постели.

«Мне нечего скрывать от Терезы, – смеялась Клод. – Может, это ты женат? И прожигаете капиталы супруги? Или за щедрую плату ублажаете дряблую плоть старушек? Не мудрено, что они заваливают тебя деньгами. Ты ведь настоящий красавчик!»

«Как ты могла подумать?» – искренне возмутился Росси.

«Ты шалун, Пьер...»

Непонятно, какой смысл она вкладывала в это слово, но произносила его с весьма ощутимым подтекстом.

«Что, если я прослежу за тобой?» – добавляла она, и Росси не то чтобы пугался, но старался рассеять ее подозрения.

«Ты странная женщина, Клод...» – говорил он.

«А ты – странный мужчина, Пьер! – парировала она. – Бьюсь об заклад, ты в любую минуту готов изменить мне...»

В ее голосе сквозило лукавство. Казалось, ее упрек не имеет под собой почвы и больше похож на шутку.

Но Росси действительно проводил время в высшем обществе, где прослыл безжалостным донжуаном. Дамы постарше бросали на него греховные взгляды, молодые девушки охотно кокетничали с ним. Росси будто бы питал открытую приязнь к очаровательной Вильгельмине Бушерер, жене владельца ювелирных салонов.

Он обхаживал ее, подстерегал, где только возможно, пытался переброситься хоть парой слов. Вильгельмина, или, как звали ее близкие, Мими, оставалась холодна к неотразимому итальянцу. Напрасно он рассыпал комплименты и старался ненароком попасться ей на глаза.

Мими словно не признавала флирта. Она была всерьез озабочена бизнесом своего мужа. Они с Карлом расширяли ювелирное дело: недавно открыли салон в Берлине, а теперь и в Сантьяго.

Росси ломал голову, как ему обратить на себя ее внимание. Обычные приемы не действовали. Он понимал, что к этой женщине нужен особый подход.

Целыми днями он околачивался там, где могла появиться Вильгельмина, а ночи проводил с горячей ненасытной Клод. Они оба спешили насладиться генуэзскими ночами, полными запаха моря и последних цветов.

– Ты любишь меня? – спросила вдруг Клод, повернувшись к нему.

Ее маленькие крепкие груди казались голубыми в свете луны, а живот был гладким и теплым.

– Люблю, – не задумываясь, выпалил Росси.

Мог ли он ответить иначе? Как странно прозвучало это вечное слово в гулкой тишине спальни.

За окном медно, тяжело забил колокол – бом-м! бом-м! бом-м!

– Слышишь? Он подтверждает мое признание, – улыбнулся Росси.

– Жаль, что ничего нельзя изменить, – прошептала Клод, прижимаясь к нему всем своим гибким нервным телом. – Жаль!..

– О чем ты? – растерялся он.

Она неторопливо высвободилась из его объятий, встала и подошла к окну. Ее фигура четко вырисовывалась на фоне полукруглого оконного проема. За стеклами сияла полная луна. Росси снова ощутил желание.

– Клод... иди ко мне... – хрипло вымолвил он.

– Тише! Не мешай... я разговариваю со звездами...

Росси лежал молча, размышляя над ее словами.

– Хочешь, я скажу, что тебя ждет в скором будущем? – спросила она, не оборачиваясь.

– Нет...

– Я все равно скажу!

– Не надо, Клод...

Он действительно не хотел ничего знать ни о прошлом, ни о будущем. Он ценил только настоящее и жил им, пил его, как золотое вино.

– Ты уедешь.

– Нет, Клод!

– Ты думаешь о ней...

Он хотел возразить, но язык и губы не слушались. В сущности, Клод права. Мими собирается в дальний путь. Она часто путешествует. Из Швейцарии в Европу, оттуда в Южную Америку и обратно. Скоро она сядет на роскошный океанский лайнер... и тот унесет ее прочь от зеленых берегов Италии через Атлантику в город эмигрантов Сантьяго, где горы в снегу так похожи на Швейцарские Альпы...

– У тебя черные мысли, Пьер! – воскликнула Клод, и Росси вздрогнул от неожиданности.

– Я не могу уехать, – с напускной беспечностью вымолвил он. – У меня здесь дела. Очень важные дела.

Клод ему не поверила. Она прислушивалась к звездам, и те нашептывали ей обратное. Она с сожалением покачала головой.

– Ты врешь, Пьер. Ты все врешь. Ты поедешь за ней...

– Клянусь тебе, Клод, я не...

Она проворно скользнула к Росси, наклонилась и закрыла ему рот душистой ладошкой. Из всех женщин, которых он познал, только Клод благоухала тонким ароматом неопределимого оттенка.

– Ты не итальянец, – заявила она. – И не француз. И ты не коммерсант, Пьер...

– А кто же я? – глупо улыбался он.

– Твоя поездка плохо закончится...

Росси поцеловал ее ладошку, а она сердито сдвинула брови.

– Зря ты меня не слушаешь! Я обязана предостеречь. Помнишь то ограбление? Ты спас нас с Терезой... теперь настала моя очередь помочь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.